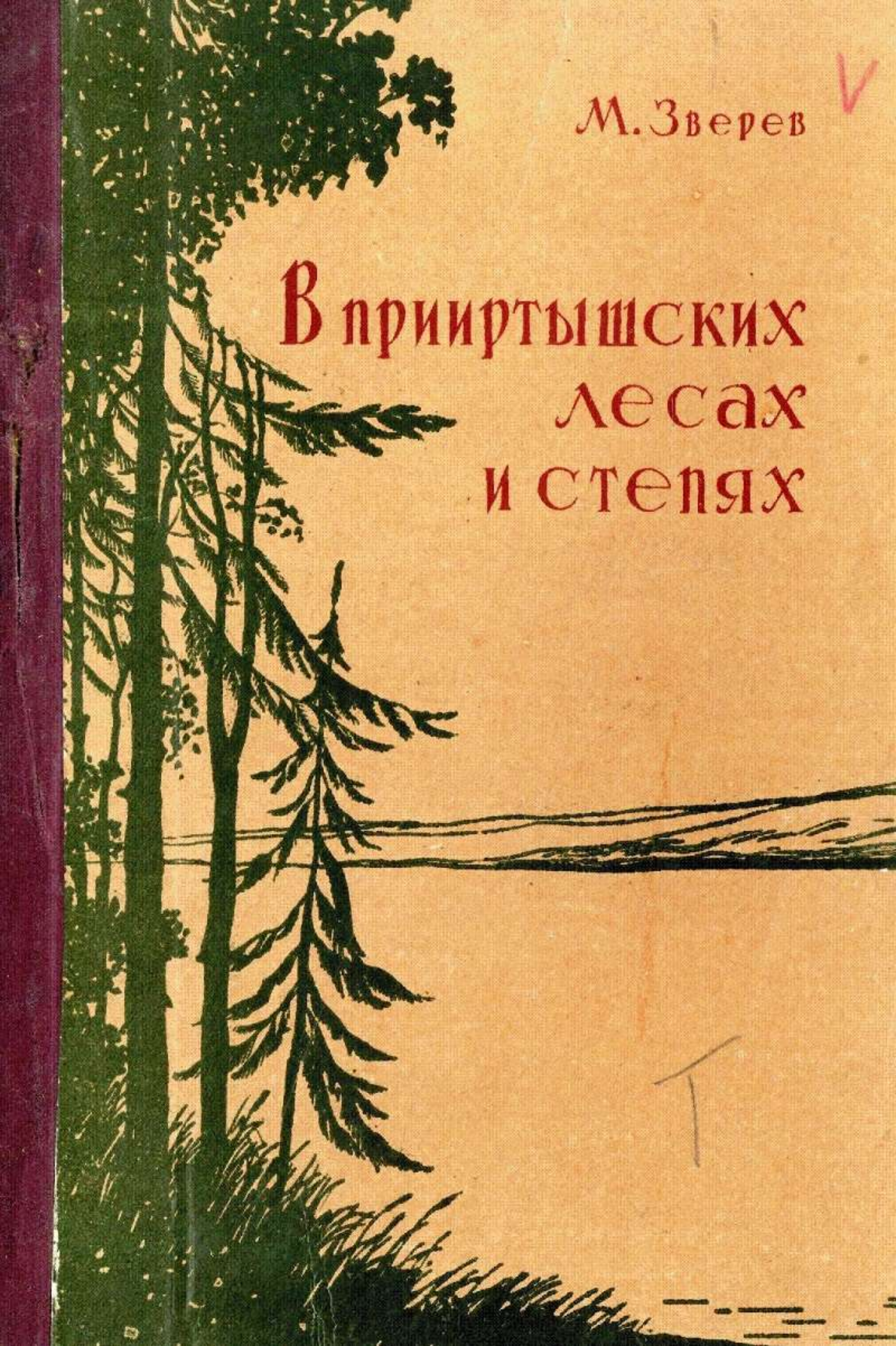

М. Зверев

В прииртышских
лесах
и степях

М. Зверев

891.71-93

3-433

к

В прииртышских лесах и степях

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ

Государственной библиотеке

им. А. С. Пушкина

от автора

М. Зверев

ОМСКОЕ

ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1950

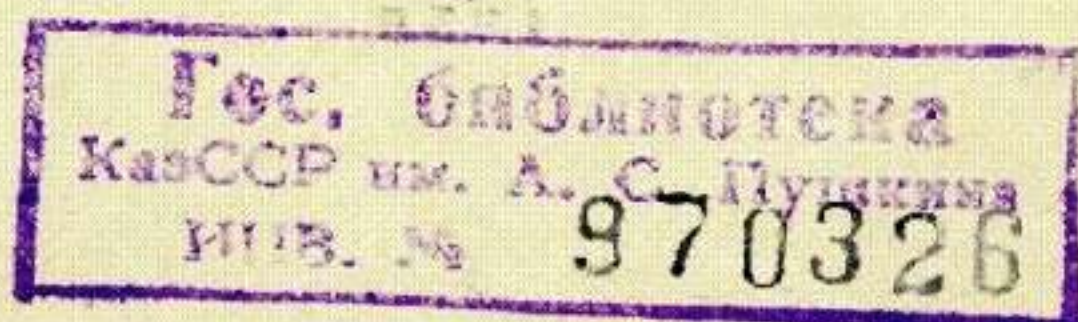
Художник Ю. Г. Макаров

14196

16320

ЮНЫЕ исследователи природы

Тихо в лесу зимой. Изредка только пискнет где-нибудь синица да стукнет дятел.

Вдруг в глубине леса раздались голоса: всё ближе и ближе. Вот замелькали яркие костюмы, и на поляне появилась группа ребят-лыжников. Они движутся след в след, внимательно рассматривая заснеженную землю. Это юные натуралисты идут по следу горностая. Куда бы ни завернул зверёк, он всюду оставляет отпечатки лапок, как в книге буквы.

Много интересного из жизни горностая уже записано и зарисовано у юннатов в блокнотах: как он подкрадывался к рябчикам, откапывал водяную крысу, как гонялся за лаской.

Зима — лучшее время для изучения жизни диких зверьков по следам.

Гнездо орла на высокой сосне. Юннатам предстояло установить, какой пищей выкармливает орёл птенцов.

У ребят уже был опыт. Прошлым летом они выяснили, чем питаются пустельга, кобчик: под дере-

вом, на котором свили свои гнёзда птицы, они устроили тогда шалаш и из него вели свои наблюдения.

Соорудить такой шалаш около дерева с гнездом орла было недолго. Орлы быстро привыкли к шалашу. Однако дальше дело не пошло. Сколько ни сидел в шалаше юннат-наблюдатель, орлы к гнезду не подлетали.

Трудно было допустить мысль, что орлы видят в шалаше человека. Ребята не пожалели веток на устройство своего зелёного укрытия. Очевидно, орлы заметили, что наблюдатель вошёл в шалаш, а обратно не выходил.

Но юннаты всё-таки перехитрили осторожных птиц: они вчетвером подошли к шалашу и влезли в него. Затем трое ушли, а один затаился там.

Орлы сейчас же выказали полное незнание арифметики и прилетели к гнезду с кормом.

Наблюдения были сделаны.

Готовиться к экспедиции юннаты начали ещё с зимы. Читали книги, учились снимать шкурки с птиц и зверьков, препарировали насекомых и запасали необходимое оборудование.

Время прошло незаметно. И вот, наконец, сданы последние экзамены. Впереди — целое лето.

На юннатской станции шли последние приготовления к отъезду экспедиции. Большая машина была доверху нагружена палатками, сетями и прочим экспедиционным снаряжением.

Сбылись мечты... Уже завтра к вечеру в тростниковых зарослях степного озера ребята будут проводить у костра первую экспедиционную ночь.

А впереди целый месяц — десятки таких ночей и ещё более интересных дней.

Увлекательна и разнообразна деятельность юных натуралистов. Ребята с детства приучаются к ведению точных наблюдений, к бережному, разумному отношению к природе. Немало ценных научных наблюдений сделано уже юннатами.

Прочитайте, ребята, о том, как важно уметь находить дорогу в лесу по приметам в рассказе «Ошибка», насколько можно приручить к себе дикую птицу — в рассказе «Орёл Азамата». Попробуйте сами провести такие же наблюдения, о которых написано в рассказах и очерках, напечатанных в этой книге. Изучайте природу, станьте юными натуралистами!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Зимний морозный день. Низкое солнце едва поднимается над лесом. Свежий ветерок пощипывает лицо.

Трое юных натуралистов гуськом идут по лесу. Их ведёт опытный следопыт — Борис. Ему 16 лет и он многое уже знает из лесных тайн.

Лыжи с хрустом режут корку снега, оставляя за собой узкую дорожку. Хорошо бежать на лыжах и разгадывать по следам звериные секреты.

— Боря, почитай нам по снежной книге, — стали просить ребята.

— Ладно, сначала я прочитаю до точки, а потом каждый из вас.

— Согласны, да ведь только мы малограмотные...

— Смотрите, — начал Борис, — вон поперёк речушки большими прыжками промчалась ласка. Она торопилась укрыться в кустах у берега. Рядом, видите, наделили зайцы. Они объедали кору с веток осины, упавшей осенью во время последнего ветровала. Помните, какая была буря?

Чёткий свежий след горностая пересек ребятам путь.

— Давайте посмотрим, что он пишет, — сказал Борис и свернул по следу. Цепочка следов горностая потянулась под нависшими кустами.

— А зачем горностай сюда свернул? — спросил Борис и сам же ответил. — Он рассчитывал схватить мышь, — видите бисер мышинных следов под кустами. Но из этой охоты ничего не вышло, след идёт ровно не останавливаясь. Да и нет ни одного свежего следа мышей, все старые. Значит, на всякий случай свернул сюда горностай. Но, видно, раньше он ловил здесь мышей.

Ребята с интересом слушали товарища и шли, не отставая от него.

— Смотрите, вот горностай останавливался. Садился на задние лапки, отпечатав хвост, а дальше поскакал короткими скачками.

За поворотом речки зверёк вылез на берег и, утопая в снегу, завилял между деревьями, пока не вышел на торную проезжую дорогу, по которой возили сено с лесных полей.

На дороге след потерялся.

— Где же теперь будем искать его? — спросил Борис.

Ребята молча развели руками.

— Горностай подошёл к дороге сбоку под углом, — рассуждал Борис, — значит, он побежал по дороге в ту сторону, куда направлен угол. Идёмте туда же по дороге. Так и есть. Вон его след опять свернул с дороги в снег к речке и пошёл по берегу.

Ребята приблизились к лесному мостику через речку. Под мостом на льду много сена, насыпанного с возов.

— Стойте, ребята, не затопчите следов, тут что-то интересное написано, — предостерёг Борис, — подождите, я разберусь. Так, так, ну теперь слушайте... Сеном ночью лакомилась масса мышей, они утоптали весь снег. За этим ужином их и застал горностай. Прямо с берега он прыгнул под мост. Вот капельки

крови, а вот клочок шелковистой шёрстки лесной мышки застрял среди травинок. Всё это говорит об удачной охоте. Поняли?

Ребята были в восторге от прочитанного в снежной книге.

...Затем горноста́й долго бежал по льду речки. Но вот он остановился. Потоптался на месте и вдруг большими скачками бросился на берег.

— Пойдёмте посмотрим, что он там учуял, — заявил Борис. — Ага, опять целое событие! Стойте, стойте, не забегайте вперёд. Вот видите ямки в снегу — это ночевали рябчики. Они спали ночью в снегу. Но горноста́й, видимо, наткнулся на опытную, чуткую птицу. Она разбудила соседей и сама во-время взлетела, вырвалась уже почти из зубов горноста́я. Вон на снегу видно перо. Пройдёмте дальше — горноста́й уже бессмысленно мчится огромными прыжками по снегу вдогонку. А вот осыпавшийся снег и хвоя под ёлками. Здесь впотьмах усаживались рябчики и долго хлопали крыльями, пока не нашли прочные сучья.

— Неудачная охота была у горноста́я. А в прошлом году, ребята, я видел по следам, как вот так же горноста́й подкрался к тетеревам, спавшим в снегу. Они взлетели, а след горноста́я исчез. Куда же, думаю, он девался? И что же оказалось? Тетерев взлетел, подняв на спине зверька. Но тот вцепился ему сначала в шею, а затем, вероятно, в затылок, и птица вскоре упала в снег вместе с горноста́ем.

— Ну, пошли дальше! — Борис улыбнулся.

— Почему улыбаешься? Читай! — торопили ребята.

— Да видите, какими ленивыми, короткими скачками горноста́й направился к речке. Я представил себе, как ему не хотелось уходить, ну и улыбнулся!

Кое-где горноста́й вскакивал на кочки и пеньки, садился на задние лапки, оставляя отпечаток хвоста на снегу. В нескольких местах зверёк нырял под

снег, а через десяток — другой метров снова вылезал на поверхность и бежал дальше.

— А зачем это он ныряет в снег? — спросил Борис.

— Это он ищет там мышей, — ответили ребята.

— Правильно, а вот и доказательство, — обрадованно проговорил Борис. — О чём говорит эта чёрточка справа от следа?

Но никто из ребят не мог объяснить причину появления чёрточек.

— А верно вы сказали, что малограмотные, — такого пустяка не прочтаете. Ну слушайте. Под снегом горноста́й наткнулся на колонию полёвок — маленьких короткохвостых грызунов. Он там задавил и съел несколько штук. Этого, конечно, не видно по следам, но горноста́й вылез с мышью в зубах, уже сытый, потащил её, чтобы спрятать про запас, и начертил мышиним хвостом полосок по снегу. Сейчас мы найдём, куда он всю добычу спрятал. Идёмте.

Но едва ребята отошли сотню шагов, как наткнулись на мёртвую землеройку. Остроносый зверёк чернел среди утоптанного снега.

Борис остановился и проговорил:

— Землеройка и горноста́й встретились неожиданно. Бросив полёвку, горноста́й задавил землеройку и оставил, а затем подхватил опять полёвку и поволок дальше. Ну, а кто скажет, почему он не стал есть землеройку?

Ребята опять не знали.

— Да потому, что ни один сытый хищник не ест землероек. Видимо, они имеют какой-то неприятный запах.

— Смотрите, вон куда залез горноста́й со своей добычей — под корни старой осины. Выходного следа нет. Значит, он там и заснул на весь сегодняшний день до вечера. Ну всё — точка.

До самых сумерек бродили ребята по лесу, читая снежную книгу. Они вернулись домой усталые, но довольные.

По ельнику кем-то проторена тропа. Идти по ней легче, чем целиной по снегу. А справа и слева всюду записи в снежной книге леса: бисер мышинных точек, крестики следов тетеревов, ямки следов косули, горноста́я, ласки и многих других обитателей леса. Как сборник рассказов. Перелистываешь его и просматриваешь оглавление: какой бы из рассказов выбрать почитать? Так и тут: идёшь по тропе и читаешь по снежной книге названия глав и страниц.

— Вот горноста́й, — мы уже читали о нём.

— Это ласка, но она похожа на горноста́я. Посмотрим, что там в оглавлении строчкой ниже?

— Косуля. Нет, уже полдень, поздновато, не успеть прочитать и половину её записей. Посмотрим дальше.

— Следы рыси! Ну это, наверное, интересный рассказ, надо его прочесть.

...Спокойно, шаг за шагом рысь подошла к тропе, мягко перепрыгнула через неё (какая предосторожность!) и пошла по ельнику. Что-то она напишет дальше?

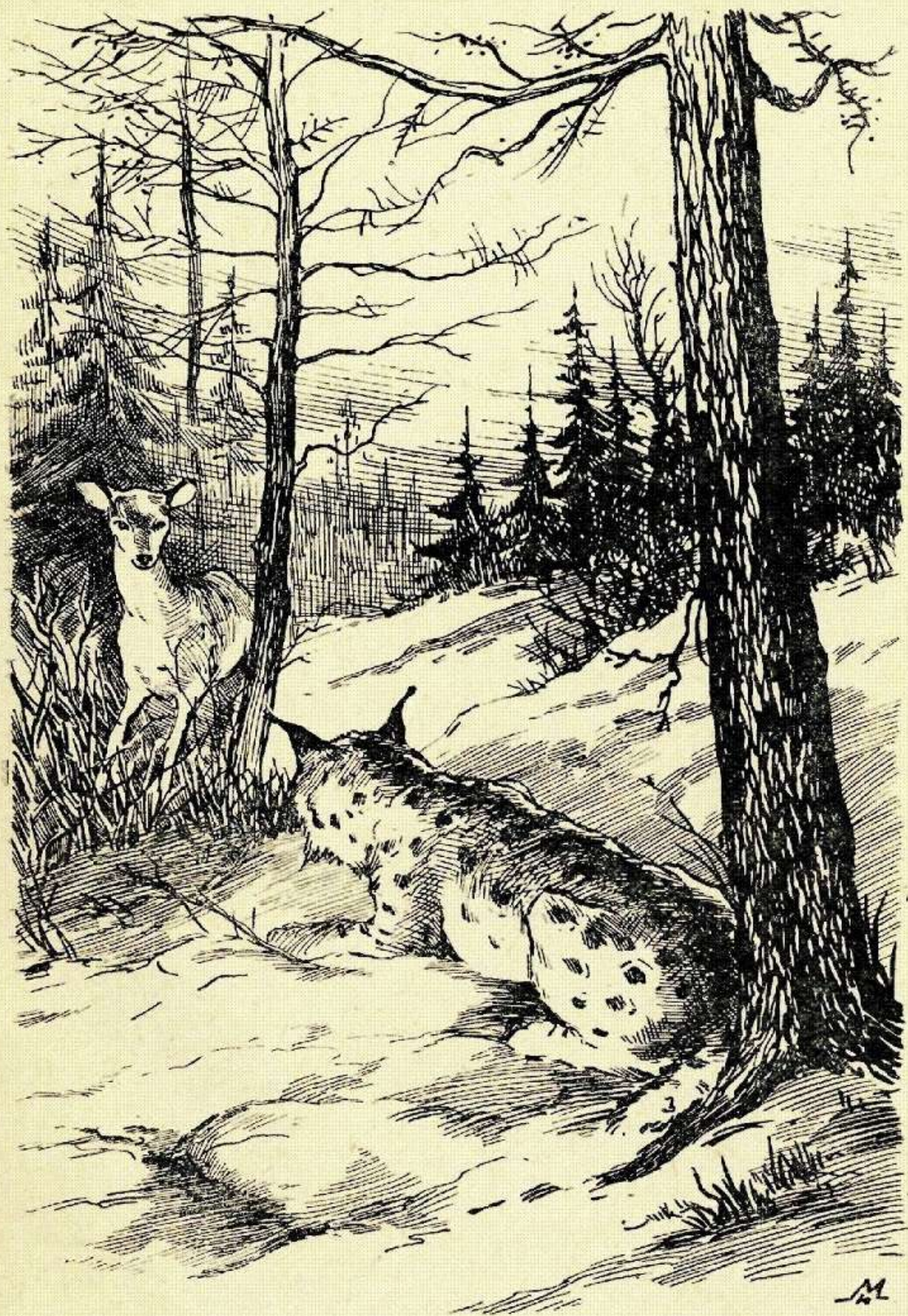
Долго и однообразно тянется по ельнику цепочка ямок — следов огромной кошки. Ничего пока интересного. Но терпение — это основное условие при чтении снежной книги. Идём дальше.

Почти километр прошла рысь по ельнику. Читать стало жарковато — уже шапка давно в руках, полушубок расстёгнут, а рукавицы засунуты в карманы.

Но вот рысь остановилась. Это первый знак препинания — запятая, двоеточие или точка с запятой — не важно пока. Уточним значение этого знака.

Рысь круто свернула и крупным шагом пошла на опушку ельника. Вышла к зарослям шиповника и жимолости.

Но что это случилось здесь с рысью? Вместо круглых ямок-следов вдруг глубокая борозда по снегу, уходящая в кусты, как будто кто-то взял рысь за переднюю лапку и поволок по снегу.

Это рысь поползла на животе, подкрадываясь к кому-то!

Несколько десятков метров прополз хищник в кустах к невидимой для нас и для него цели. Но запах или какой-то шорох подсказали рыси направление, как пеленг при слепом полёте самолёта помогает лётчику. А как ловко хищник избегал встреч с кустами! Рысь подползала под низко опустившиеся ветви, утопая в снегу, делала обходы, крюки и опять брала нужное направление.

За кустом из борозды комьями вылетел снег, да так и остался лежать по краям. Больше ничего нет — ни следов, ни борозды — кругом чистая пелена снега среди кустов. Как будто здесь рысь провалилась под снег! Но за кустом, в нескольких метрах от него большая выбоина в снегу, словно кто-то тяжёлый упал сверху в рыхлый снег, метров через пять ещё выбоина, а дальше опять ничего не видно.

Теперь всё понятно: рысь бросилась на добычу пятиметровыми прыжками!

За кустами три лёжки косуль. Снег протаял до земли. Значит, косули провели здесь не один час, мирно лёжа и пережёвывая жвачку.

Внезапно хрустнула ветка, выдавшая хищника; косули выскочили и кинулись в кусты.

Рысь сделала несколько прыжков вдогонку и прекратила преследование. Она круто повернула на бугор и быстро помчалась вверх, в сторону от косуль.

Чей же след читать дальше в снежной книге — косуль или рыси? Конечно, рыси! Не зря она так заторопилась куда-то.

Вот и вершина бугра. Так же прямолинейно рысь прыжками уходит вниз, и вдруг у чахлого кустика шиповника глубокая лёжка зверя. Это рысь лежала здесь в засаде.

Тут же, в нескольких метрах от куста и конец всей странице, заключение, с рисунком на снегу. Как раз сюда, обогнув бугор, выскочили испуганные косули. Рысь опередила их на полминуты и затаилась.

Одним прыжком зверь настиг и повалил переднюю косулю и тут же начал рвать её. Брызнула кровь. Снежная книга окрасилась, как будто кто-то пролил на страницу тёмно-красные чернила.

Трудно сказать, сколько съела рысь, но, несомненно, она наелась досыта. Видно, как медленным шагом она ушла в ельник.

Вот и всё. Впрочем, есть ещё небольшое заключение.

...По снегу пробежали тени — одна, другая, третья... Пять огромных чёрных птиц спустились к остаткам косули. Это — вороны. Скоро от косули ничего не осталось. Только следы лап воронов красноречиво напоминают об этом в снежной книге.

Но почему же пять теней пронеслось по снегу? Где написано, что пять воронов доедали косулю?

А потому, что пять птиц поднялись в воздух и написали об этом в снежной книге концами крыльев.

Закроем на этом снежную книгу. Пора домой. Солнце уже низко, а до дома километров 12.

В следующий выходной день мы выберем в снежной книге и прочитаем ещё что-нибудь интересное.

Стёпа был отчаянным охотником и рыболовом. Всё свободное время он проводил в лесу и на Иртыше. Не проходило недели, чтобы Стёпа не побывал у своего дедушки Петра, на колхозной пасеке, в тайге. Дед любил внука и всегда рад был его приходу.

Вот и на этот раз Стёпа явился к деду ещё с вечера. А едва забрезжил осенний рассвет, они с дедушкой уже сидели у самовара за чаем.

По столу бойко пробежал большой рыжий таракан. Стёпа сбросил его на пол.

— Видал таракана? — спросил дедушка.

— Видал, а что?

— Если умеешь видеть, то скажи, сколько ног у таракана? — спросил дед.

— Ног у таракана? — опешил Стёпа. — Наверно, штук восемь есть, а то и больше? Что-то не заметил я, дедушка...

— А ты поймай да сосчитай.

Стёпа с шумом полез под стол, но таракана нигде не было видно. С трудом он разыскал ещё одного небольшого около печки и поймал.

— Шесть, дедушка, шесть ножек-то у таракана! — воскликнул он.

— То-то, шесть... А то как же так! Лучше смотреть надо. Сколько раз тараканов видел, а сколько ног — и не удосужился сосчитать. Ну на сегодня уж помилую, двойку с утра не поставлю. Всё-таки это ещё не таёжная грамота, а домашняя.

Наконец, совсем рассвело, и дедушка Пётр начал собираться в лес. Он снял ружьё и принялся укладывать в сумку долото, топор и другие вещи. Ещё с вечера было решено, что они пойдут сегодня вырубать из дупла рой диких пчёл, на которых дед наткнулся в лесу.

— А ну, Стёпа, — сказал дед, — ещё тебе одно испытание: пока я собираюсь, разложи птичьи перья. В каждую кучку отбери перья от одинаковых птиц и назови их, а я проверю.

Дедушка вытряхнул из мешка на стол перья и пух, натереблённые им от убитых за осень птиц.

Стёпа принялся разбирать.

— Это — рябчика, кладу сюда. — А это — глухаря. А чьё же это?..

Чем дальше, тем всё чаще стали попадаться перья незнакомых птиц.

— Только-то и отобрал? — удивился дедушка. — Да что же мне с тобой делать?

Стёпа был смущён.

— Ну давай, помогу. Кедровок ты в лесу видел?

— Видел.

— Вот это перо кедровки... А филина приходилось видеть?

— Несколько раз видел...

— Так ведь это же его перья, верно?

— Верно...

— Уметь видеть надо, Стёпа, смолоду. Всех этих птиц знаешь и в руках держал, а перья не приметил! Когда попадёт тебе в руки какая-либо птица, всю её рассмотреть надо и запомнить: какие у неё перья, ноги, глаза, хвост, крылья. То же и с рыбой и со зверь-

ком каждым. А ты, как слепой, — смотришь и не видишь. Ну ладно, сгребай перья обратно в мешок да идём, пора.

Вскоре они уже шагали по лесу. Столетние пихты и ели сжимали тропу. Пахло хвоей, грибами и сыростью. Звенели голоса птиц. Тайга жила своей жизнью.

Из-под ног выпорхнул рябчик и уселся на ветку ели. Сидит и не шелохнётся.

Дедушка остановился.

— Видишь рябчика, Стёпа? — спросил он шёпотом.

— Вижу.

— А ну, оглянись назад.

Стёпа оглянулся и вопросительно посмотрел на дедушку.

— А где рябчик? — спросил дед.

Рябчика нигде не было видно. Стёпа долго шарил глазами снизу доверху, но птица как в воду канула.

— Ну где же он? — торопил дедушка Пётр.

— Да вон он сидит! — обрадованно воскликнул Стёпа. — На том же месте, где был. Вот здорово, а я едва увидел!

— Тише, тише, не кричи, испугаешь; улетит рябчик-то. А что он делает? — опять спросил дедушка.

— Как что делает, — сидит...

— А почему не шевелится, зачем шею вытянул и смотрит боком, одним глазом?

— Должно быть, привычка у него такая, — неуверенно отвечал юный охотник.

— Нет, Стёпа, не зря это рябчик так делает, — затаился он. Понимаешь? У него окраска перьев в точности под цвет коры. Раз он не шевелится, его не видно. А голову повернул он боком, потому что глаза у него в стороны смотрят, как у курицы. Понимать надо, Стёпа, что птица и зверь делают, — тогда хорошим охотником будешь.

— Ну, а как узнать, молодой это рябчик или старый? — опять спросил дедушка.

— Не знаю.

— А ты попробуй подойти к нему: если молодой — близко подпустит, а если старый, опытный — сразу полетит.

Едва Стёпа сделал несколько шагов, как рябчик с шумом сорвался, замелькал среди стволов и быстро скрылся.

— Теперь тихо. Слушай, не шуми... — быстро проговорил дедушка.

Стало слышно, как захлопал по веткам крыльями рябчик, усаживаясь где-то на дереве.

— Вот и ещё раз доказал, что старый, — сказал дедушка. — Молодой рябчик прямо на землю сел бы и пустился бежать, а старый на дерево лепится.

Долго шли дед с внуком по лесу. Но вот тропу перегородило поваленное дерево.

— Смотри, Стёпа, это как нарочно кто-то для меня скамейку поставил. Как не сесть на неё и не покурить?

Дедушка Пётр сел и стал закуривать.

— Давай посидим и послушаем.

Сначала кругом было тихо, точно вымерло всё в тайге. Но вот раздалось попискивание, и показалась стайка лесных синиц. Они покружились по веткам, поклевали что-то и полетели дальше. Вместе с ними был шустрый поползень. Он перелетал от дерева к дереву и спускался каждый раз по стволу винтом, вниз головой. Увидел людей и, тревожно «пофинькав», улетел. Вскоре откуда-то появилась кедровка. Она прыгала с ветки на ветку, повёртываясь то одним боком, то другим. Крикнув, кедровка улетела.

— Кто это прилетал? — спросил дедушка.

— Кедровка, — уверенно ответил Стёпа.

— А что она делала?

— С ветки на ветку перескакивала, а потом, видно, испугалась, когда я пошевелился, и улетела, — ответил Стёпа.

— А почему она прилетела сюда и кружилась около нас?

— Не знаю, дедушка, — отвечал Стёпа, немного помолчав.

— Эх, голова садовая, видать — видишь, а понимать ещё не научился. Видел, тут поползень был?

— Видел...

— Слышал, как он финькал?

— Слышал.

— Ну так вот: это он нас испугался и закричал, а этим предупреждение всем зверям и птицам сделал об опасности.

— Ну так что же, дедушка, а зачем же кедровка прилетала? — удивился Стёпа.

— А то, внучек, что кедровка услышала этот крик и прилетела посмотреть, кто здесь находится. Самая любопытная она из всех птиц в тайге. Везде ей свой долгий нос сунуть надо. Увидела она нас, а мы сидим, не двигаемся. Вот она и не могла понять, живые мы или мёртвые, — всё и вертелась, пока ты не пошевелился. Ну, а теперь скажи, как кедровок добывать станешь, если бы потребовалось?

— А зачем их добывать?

— Бывает так, что зайдёшь далеко, хлеб весь кончится и никакого мяса нет. Что тогда делать? Ну, а кедровок кругом много. Если знаешь, как их легко добыть, — настреляешь и сварешь похлёбку. Они вкусные.

— Ну что же, я взял бы ружьё, стал подкрадываться к ним и стрелять, — недолго думая ответил Стёпа.

— Да? Вон какой ты прыткий, — улыбнулся дедушка. — Возьми-ка берданку, пойдёшь убей хоть пару, а я посижу тут.

Стёпа взял ружьё и оглянулся. Кругом в лесу кричали кедровки, хотя самих их и не было видно. Стёпа уверенно пошёл на эти крики и вскоре исчез за деревьями.

Прошло порядочно времени и, наконец, он обескураженный вернулся обратно, не сделав ни одного выстрела.

— Много добыл? — спросил дед, улыбаясь.

— Да ни в одну даже не выстрелил, — смущённо ответил Стёпа. — Я к ним, а они от меня. Сколько было птиц, а так ни одна и не подпустила на выстрел.

— Ну теперь смотри, как надо кедровок добывать. Птица она любопытная. Вот и нужно её заинтересовать, — тогда кедровка сама прилетит.

Сказав это, дедушка Пётр свистнул совсем как поползень — фить, фить, фить... Помолчал немного и опять.

Не прошло и минуты, как пара кедровок уже появилась на ветках ели. Дедушка медленно поднял ружьё и выстрелил.

Одна кедровка камнем упала на землю. Взяв птицу, дедушка прошёл по тропе дальше несколько сот шагов, присел на пенёк и опять по лесу понеслось: фить... фить... фить... И опять сразу же откуда-то появилась кедровка и после выстрела была уложена в сумку рядом с первой.

— Понял теперь? — спросил дедушка. — А ну, попробуй, «пофинти».

Стёпа стал учиться свистеть, как поползень. Вскоре он вполне овладел этим искусством. Его радости не было конца, когда на его свист появилась кедровка.

Но вот дед с внуком вышли на берег лесной речки. Дедушке опять захотелось покурить, и он присел под деревом.

Лесная речка вся заросла черёмухой, тальником и осинником. Приятно пахло вянущим тальниковым листом.

На другом берегу была широкая поляна со стогами сена. Только в одном месте на ней остался невыкошенный клочок сухой травы возле куста шиповника.

Дед закурил и осмотрелся кругом.

— Смотри, Стёпа, — вдруг оживился дедушка, — лиса ходит.

В самом деле, из-за куста шиповника выскочила лисица и с ожесточением начала чесаться задней лапой. Вскоре она юркнула обратно за куст.

— Ишь ты, спряталась, — улыбаясь, сказал дед. — Объясни-ка, Стёпа, что делала эта лиса?

— Как что? Она вышла погулять и чесалась.

— Э... нет, не так-то это просто. Тут целая история. Лисицы днём не гуляют, на то ночь есть. Причина тут есть, которая её и заставила из куста вылезти среди дня. Не догадываешься?

Стёпа молча покачал головой.

— Да блохи! Это они её подняли среди белого дня. Вот она и выскочила со своей лёжки, чтобы хоть немного почесать накусанные бока, а потом снова спряталась. Знает зверь, что не время сейчас среди дня на поляне сидеть. Не время сейчас и лисиц стрелять, — не успели они ещё отрастить зимний мех. А впрочем, на, возьми ружьё. Посмотрю я, как тебя лисица обманет.

Стёпа схватил ружьё. Убить лисицу было его давнишней мечтой. Он осмотрелся кругом и бойко сказал:

— Вот около куста, где она лежит, недалеко стоит стог, он как раз под ветром, я из-за него подкрадусь к самой лисе.

— Попробуй, — сказал дедушка, загадочно улыбаясь, и закурил.

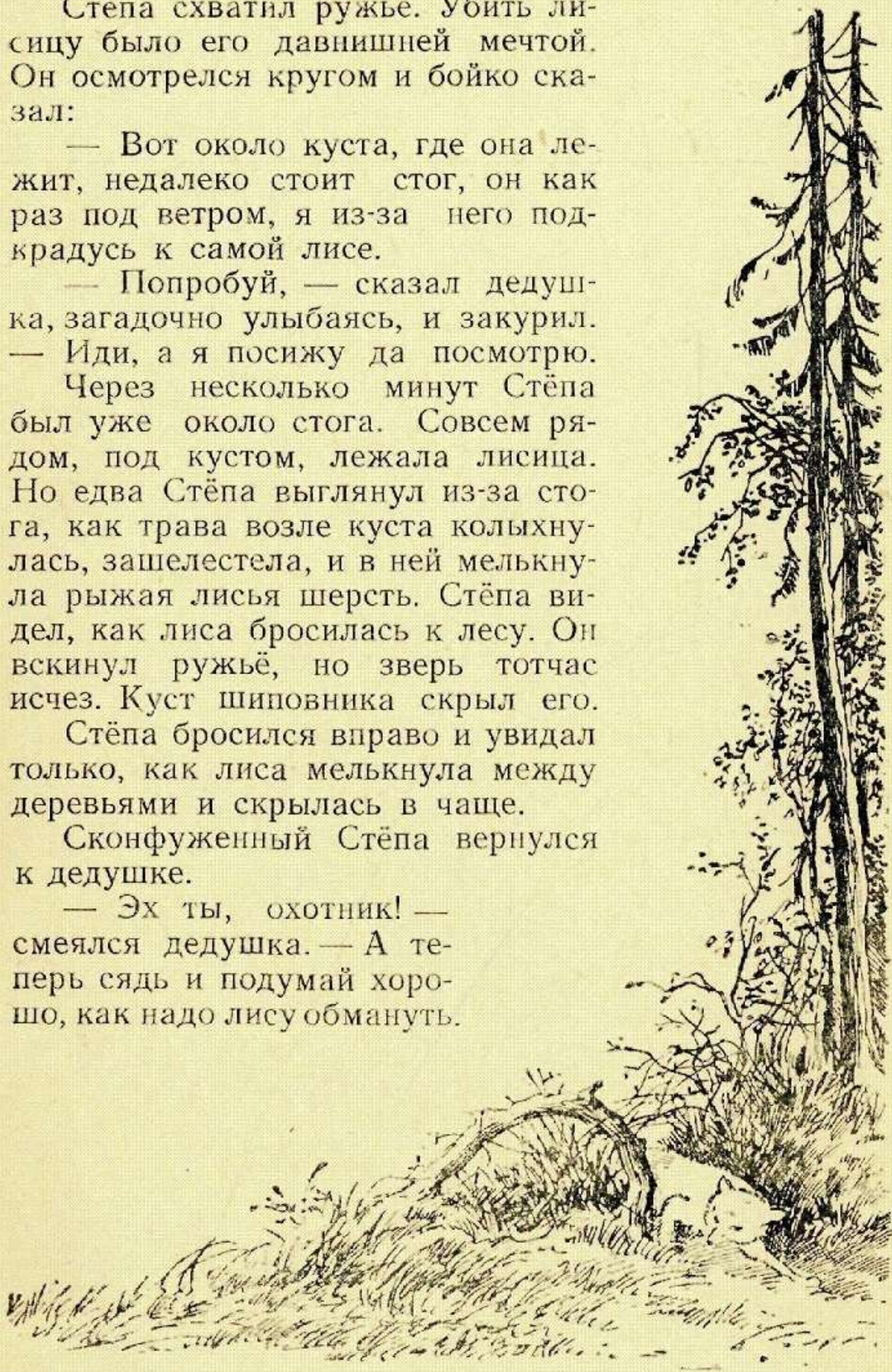
— Иди, а я посижу да посмотрю.

Через несколько минут Стёпа был уже около стога. Совсем рядом, под кустом, лежала лисица. Но едва Стёпа выглянул из-за стога, как трава возле куста колыхнулась, зашелестела, и в ней мелькнула рыжая лисья шерсть. Стёпа видел, как лиса бросилась к лесу. Он вскинул ружьё, но зверь тотчас исчез. Куст шиповника скрыл его.

Стёпа бросился вправо и увидал только, как лиса мелькнула между деревьями и скрылась в чаще.

Сконфуженный Стёпа вернулся к дедушке.

— Эх ты, охотник! — смеялся дедушка. — А теперь сядь и подумай хорошо, как надо лису обмануть.

Стёпа не знал. Подавленный неудачей, он молчал.

— Раз у лисицы есть прикрытие, к ней не подойдёшь, — вскочит и спрячется. Выстрелить редко успеешь. Даже тетерев и тот так же делает — вылетит и сразу за куст. А видал ты когда-нибудь, как глухарь или рябчик слетают с дерева? Всегда норовят укрыться за стволом. А ты к лисе вздумал подойти, когда у неё куст для защиты есть... Надо было вот что сделать. За стог одному из нас с ружьём встать. Это место хорошее, под ветром от лисицы; зверь не услышит и не учует. А другому — свернуть в лес и выйти на поляну против лисицы по ту сторону от куста. Тогда она выскочила бы и бросилась в лес как раз мимо стога. Тут её и стрелять... Так-то, Стёпа. Думать надо, видеть и понимать всё в лесу. Тогда и таёжником можешь называться. А теперь идём. Недалеко уже до пчёл.

Снег ещё лежит в логах и берёзовых колках. В лесу он растаял только на полянах, по дорогам и в редколесье. Но в солнечные тёплые дни по лесу уже несётся призывный крик бурундука. Полосатый зверёк сидит где-нибудь на задних лапках и, взмахивая хвостиком, издаёт призывные булькающие звуки.

Утром, в солнечные весенние дни, по всему лесу раздаются крики бурундуков. Забывая об опасности, по снегу и ледяной воде бегут самцы навстречу друг другу, вступая в жаркие драки из-за самок.

На берегу Иртыша, близ тайги, жил у своего деда-бакенщика Володя Сидоров. В трёх километрах было село, Володя учился в седьмом классе. На следующую зиму нужно было ехать в город продолжать учёбу.

А нынешней весной вместе с дедом они ходили в лес промыслять бурундуков.

В погожие дни бурундуки кричали всюду, даже около избушки бакенщика. Но добывать вдвоём более десятка бурундуков в день деду и внуку редко приходилось. Ловились только те зверьки, которых

удавалось загнать на дерево. На длинном удилище у Володи была прикреплена волосяная петля, и он быстро надевал её на голову зверька. Старый кот Васька — любимец деда — также участвовал в этой работе и постоянно сопровождал Володю и деда в лесу.

В лес Володя обычно нёс кота в ведре, положив на дно подстилку... Прячась за деревьями, осторожно идёт Володя к тому месту, где слышится крик бурундука. Кота теперь он несёт в руках. Вдруг шагах в десяти от него выскакивает полосатый зверёк и прыжками несётся по поляне. Юный охотник быстро бросает на бурундука пушистого кота и замирает в ожидании.

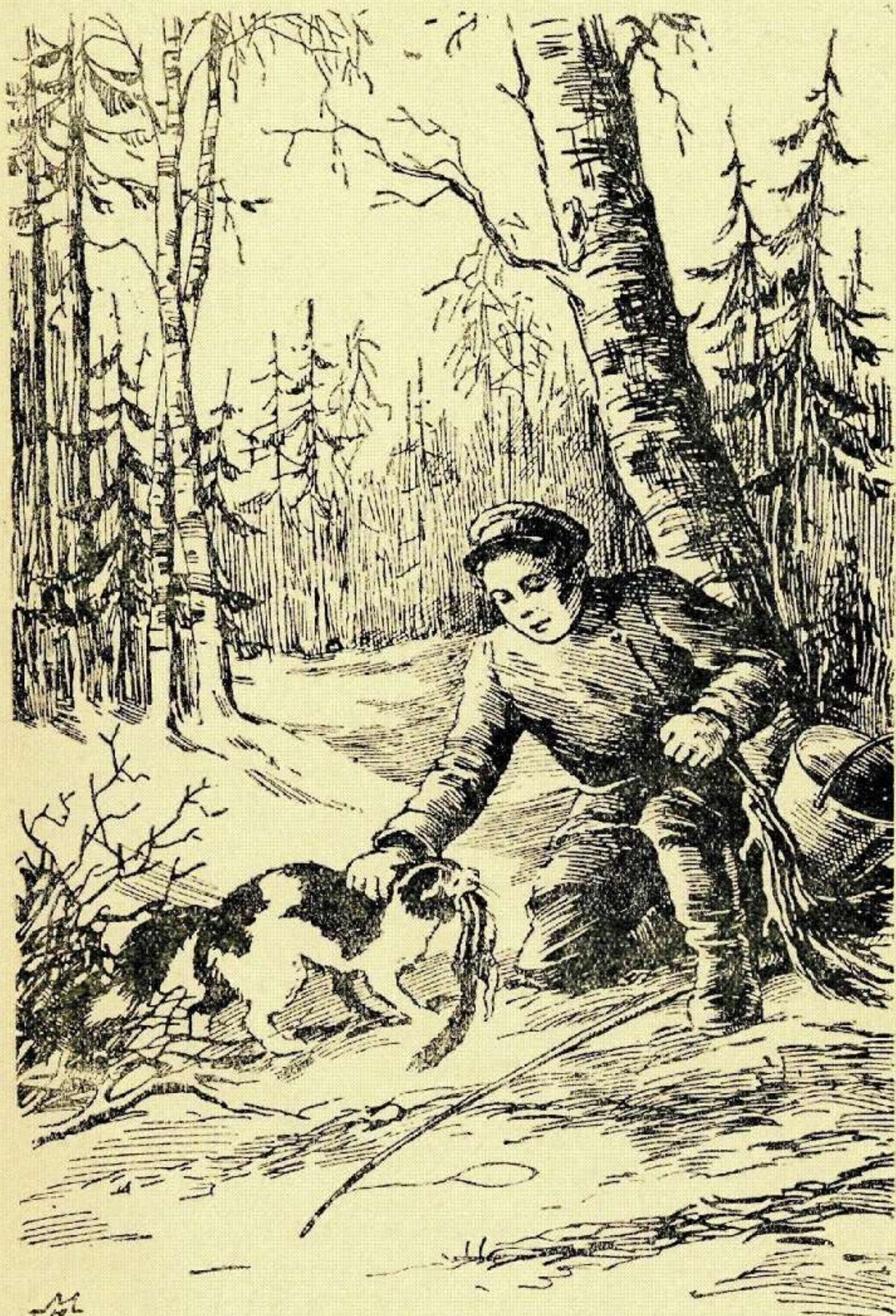
События развёртываются с молниеносной быстротой. Перевернувшись в воздухе, Васька падает на лапки позади убегающего бурундука и несётся за ним вдогонку. Расстояние между ними быстро сокращается. Если бурундук не успеет юркнуть в норку, ему не уйти.

Володя без труда выучил кота ловить бурундуков. Но первое время вся беда была в том, что Васька, схватив зубами добычу, сейчас же бросался с нею наутёк. Стоило коту взобраться на дерево и съесть зверька, как всякий интерес к ловле бурундуков он терял. Равнодушно сидел Васька в ведре и не обращал никакого внимания на бурундуков. Тогда Володя стал привязывать к шее кота бечёвку и бросать его вместе с ней. Васька, схватив бурундука, пытался убежать, но Володя ловил конец бечёвки, задерживал кота и отбирал зверька. Дело сразу пошло лучше. Однажды они с Васькой поймали двадцать бурундуков за один день. Это был крупный успех.

Весна всё больше вступала в свои права. Лёд на Иртыше вздуло, и со дня на день ожидали ледоход.

Утки и гуси стаями летели над рекой.

Дед достал деревянные чучела, почистил своё старое ружьё и начал мастерить дудочку — манок для подманивания уток.

Дело это было привычное. Как только раздавался над рекой звук дедова манка, кряковый селезень сейчас же отвечал где-то за тальником. Дед манил ещё раз, — и красивая птица, свистя крыльями, уже описывала круги над шалашом-«скрадком» деда, но садилась редко.

Дед не умел стрелять в лёт и только грозил кулаком вслед улетающему селезню.

Володя не верил своим глазам — так просто обманул дед осторожную птицу!

— А что если попробовать сделать такой же манок для бурундуков?

Эта мысль захватила его. Весь день делал Володя разные дудочки, но знакомых звуков не получалось. Вдвоём с дедом они мастерили дудочки до полной темноты, а рано утром начали снова.

Наконец, из старой ружейной гильзы Володе удалось сделать манок, которая издавала звуки, похожие на крик бурундука.

Сейчас же Володя отправился в лес, — туда, где отовсюду раздавались крики бурундуков. Он улюлюкнул в дудочку, и кричавший где-то вблизи бурундук смолк. Володя опять поднёс манок к губам и снова издал призывный звук. Зашуршала листва, и мальчик увидел со всех ног мчавшегося на него бурундука. Володя замер.

Шагах в десяти зверёк остановился и сел на задние лапки.

С грохотом опрокинув ведро, бросился кот, путаясь в бечёвке, и схватил бурундука.

Семь бурундуков, не сходя с места, подманил Володя. С восьмым юный охотник зазевался: Васька схватил зверька и скрылся за деревьями. Вернулся он сытый и довольный, опять заскочил в ведро, свернулся там клубочком и больше не обращал внимания на бурундуков. Но охота не кончилась. Володя переходил с места на место, манил дудочкой бурундуков и они бежали к нему со всех сторон. Нередко они подбегали к самым ногам Володи и с озабоченным

видом садились на задние лапки, оглядываясь по сторонам. Иногда прибегало сразу несколько самцов, они дрались, катаясь клубком и терзая в клочья свои полосатые шкурки. Удилищем с петелькой ловил Володя одного зверька за другим.

Радостный возвращался в тот день юный охотник к деду. За одно утро он поймал 35 бурундуков.

Вечером Володя пошёл на охоту вместе с дедом, и они добыли ещё сорок бурундуков.

Всю весну ловили бурундуков дед и Володя. Много полосатых зверьков добыли они за это время.

Но вот растаял снег. Давно прошёл последний лёд на Иртыше, зазеленела трава. Бурундуки перестали кричать в тайге и не шли больше на манок, — брачный период у них кончился.

Вскоре Володя уехал учиться в город. Там, на юннатской станции, он рассказал о своей охоте на бурундуков и показал, как делать манок. Под его руководством весной была организована проверка манков в окрестностях города, и десятки бурундуков наполнили вольеры в саду юннатской станции.

Утром Степан и Василий разделили и доели последний кусок хлеба; припасов больше не было. Лайка повредила себе переднюю лапу, и охотники неделю тому назад отправили её домой с соседом.

— Ну что же, Вася, теперь будем делать, домой придётся идти? — со вздохом сказал Степан.

— Да, придётся, а жаль, — ответил Василий. — Сколько белок-то нынче! Ещё много добыть можно было бы. Снегу мало в лесу, ходить удобно...

Два юных друга закончили завтрак и начали собираться домой. Заплечные мешки были доверху наполнены беличьими шкурками. Промысловую избушку крепко закрыли, привалив к двери бревно.

Сборы были недолгими.

Через полчаса охотники шагали по лесу. Вскоре они вышли к старой гари, на которой было уничтожено огнём огромное количество деревьев — на многие десятки километров.

Василий остановился.

— А что, Стёпа, если нам не в обход, а напрямик по гари идти, — много сократим?

— Километров на пятнадцать, не меньше. Прямото недалеко, а в обход километров тридцать пять будет. Но по бурелому идти трудно. Тебе ведь не приходилось по гарям-то ходить. Вряд ли скорее дойдём, а кругом пойдём, — наверняка сегодня дома будем.

Друзья заспорили. Василий — городской охотник, впервые попавший на промысел, настаивал идти через гарь; опытный Степан не соглашался.

— Трудно. Говорю тебе, скорее не дойдём. Как-то пришлось мне пробираться по гари, так намучился в буреломах...

Горячившийся Василий заявил, что пойдёт один. Степан, махнув рукой, согласился, и они пошли через гарь.

Чёрные обуглившиеся стволы теснили друг друга. Во все стороны торчали сухие обгоревшие ветви. Молодые заросли осинника и березняка заставляли часто сворачивать с пути. Чем дальше, тем всё труднее и труднее было идти.

Когда солнце показывало уже около полудня, охотники сели отдыхать. Они достали и съели взятого на дорогу варёного глухаря.

За утро было пройдено всего несколько километров.

— Давай, Вася, вернёмся, пока не поздно, — предложил Степан, — ведь мы не идём, а ползём. Ночевать придётся. За день-то не дойдём, говорил я тебе.

— Ну и заночуем. Что же из этого? Костёр, ведь, можно знаешь какой развести из сушняка! Будет тепло, как в избе. А может дальше легче?

— Наоборот, по середине гари ветровалу-то и раньше больше было, а за этот год ещё прибавило. Буря, помнишь, летом была? Давай вернёмся, — настаивал Степан.

Но Василий и слышать не хотел о возвращении. Поспорив, они продолжали путь.

К вечеру товарищи не успели дойти даже до середины гари. Усталые и голодные провели ночь у ко-

стра. Степан не настаивал больше на возвращении, сердито молчал.

Чуть рассвело, и охотники снова тронулись в путь.

Тёмные, обуглившиеся стволы лесных великанов лежали друг на друге, переплетаясь сухими ветвями. Приходилось перелезать с одного ствола на другой, пробираясь сквозь щетину обгоревших веток.

К полудню усталые и голодные охотники преодолели ещё несколько километров. Силы покидали их с каждым шагом. Кругом стояла мёртвая тишина. На пожарище не залетала ни одна птица, даже дятлов не было слышно. Только следы мышей, ласок и колонков виднелись кое-где на редких полянах.

Раздобыть что-либо на обед так и не удалось.

Вторая ночь была ещё более трудной. Ноябрьский мороз крепчал и, несмотря на огромный костёр, оба друга мёрзли и почти не спали. Есть уже не хотелось, немного тошнило. Всё тело болело и ныло.

Ночь не прибавила сил. Охотники с трудом поднялись, когда уже солнце пробилось через морозную утреннюю мглу.

Почти на четвереньках ползли они дальше по заламам, медленно продвигаясь вперёд.

К вечеру Василий совсем выбился из сил; он грузно сел на упавший ствол, даже не смахнув с него снег, и хрипло выдавил из себя:

— Иди, Стёпа, а я остаюсь...

Степан тоже сел рядом.

Василий тяжело повалился на снег и сразу же заснул. Уснуть на морозе в таком состоянии — это значило больше не проснуться.

Степан с трудом растолкал своего друга и посадил его.

Солнце перевалило за полдень, а охотники всё сидели на том же месте.

Вдруг Степан оживился:

— Посиди, Вася, только не ложись, а я сейчас...

Оставив ружьё и мешок, Степан полез куда-то в сторону через густую чащу залама.

Василий посмотрел ему вслед и опять начал укладываться на снег. Его нестерпимо клонило ко сну.

— Сюда, Вася, скорей... — раздался обрадованный голос Степана из-за заломов.

Напрягая последние силы, Василий поднялся и полез через решётку стволов, упавших друг на друга.

Степан сидел на туше убитого лося. По следам было видно, как смертельно раненный кем-то зверь забрёл сюда, рухнул на снег и больше уже не встал.

Охотники были спасены.

Они пробыли возле убитого лося до утра следующего дня. Через каждый час они съедали по небольшому кусочку варёного или жареного мяса. И силы их постепенно восстанавливались. Утром Степан и Василий уже посмеивались друг над другом. Теперь они оба были уверены, что скоро выберутся отсюда.

— Стёпа, а как ты узнал, что там лежит лось? — спросил вдруг Василий у товарища. — Ну сороки бы там кричали или кедровки — тогда понятно... А ведь тут ни одной пичужки, а ты вдруг встал и пошёл прямо к лосю.

— Очень просто. Вон, смотри, следы колонка, видишь? — отвечал Степан.

— Ну, вижу, — туда и сюда он бегал, а что из этого?

— Вот два следа тянутся рядышком. Один из них глубже и сбоку черта по снегу. Значит, колонок тащил что-то тяжёлое, волоча по снегу и глубже проваливаясь. Теперь смотри, сколько здесь следов и все разной свежести. Значит, колонок уже давно туда бежит и что-то носит. А что носит — ясно: пищу какую-то! Вот я и пошёл посмотреть, что это колонок носит, — может быть и нам что-нибудь достанется. А лося кто-то в лесу ранил, он в заломы и бросился прятаться. Крови на следу, видимо, не было вначале; охотник решил, что промахнулся, и бросил преследо-

вать зверя. Так и лежал бы здесь лось, колонков кормил.

— Пропали бы мы с тобой, Стёпа, если бы не твоя лесная смекалка, — с благодарностью проговорил Василий. — Всегда в лесу во всём тебя буду слушать.

К ночи охотники добрались до дому.

ОШИБКА

По берегу лесной реки торопливо шагают два охотника, два неразлучных друга — Андрей и Костя из колхоза «Таёжник».

Они неплохо поработали летом в полеводческой бригаде, а теперь хотели попробовать свои силы на беличьем промысле и впервые отправились добывать белку.

В нескольких шагах от них, впереди идёт дядя Иван — бригадир охотников-бельчатников. Высокого, могучего старика никак не могут согнуть годы. Ребята едва поспевают за ним.

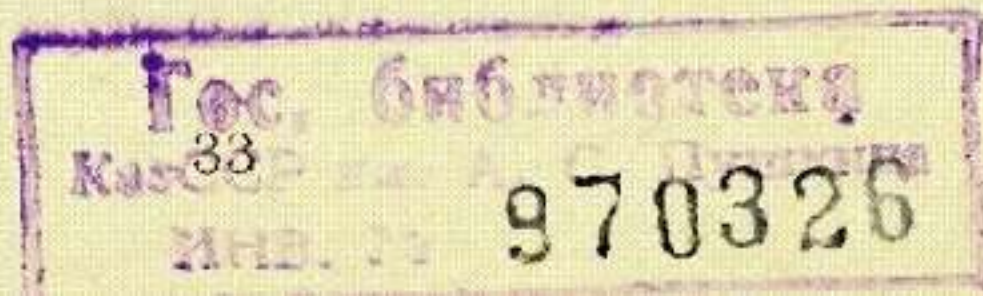
Но вот бригадир остановился над каким-то следом.

— Смотри, ребята, ходовой медведь!

Долго стояли охотники и рассматривали следы зверя. А вечером в лесной землянке охотники много говорили за ужином о медведе.

— Не иначе шатун, стреляный или больной, наверное в гарь ушёл, — решил дядя Иван.

Андрей и Костя долго не спали в ту ночь и всё шептались.

...Мутным рассветом казался холодный ноябрьский день. Точно белой пеленой покрыла землю выпавшая за ночь пороша.

Едва ребята отошли от избушки, как Бобка уже «посадил» на дерево белку. Под его звонкий лай Андрей подкрался, метким выстрелом сшиб с дерева любопытного зверька, и друзья пошли дальше.

Бор заметно редел, и вот показались огромные одиночные деревья старой гари. Чёрные поверженные стволы устилали землю. Между ними пробивался густой молодой осинник и березняк.

— Смотри, Андрей, ведь мы на гарь вышли! — сказал Костя. — Давай посмотрим, есть тут следы медведя или нет?

— Попробуем, только не рассердился бы дядя Иван, вдруг испугнём — и зверь уйдёт, — неуверенно ответил Андрей.

— Да мы пройдем немного — и обратно, далеко заходить не будем. До стана-то успеем, тут не больше восьми километров, — настаивал Костя.

— Ладно, пойдём...

Друзья круто свернули и вышли из леса. Вокруг них далеко простиралась старая гарь. Не торопясь, двинулись друзья к молодой заросли осинника. Собака догнала их и юркнула в густую чащу. Вскоре она яростно залаяла.

— Стой, Андрей, это не на белку, — проговорил Костя.

Быстрым, привычным движением охотники сменили в ружьях патроны.

Из густой чащи стремглав выскочил Бобка, а в чаще, совсем близко, захрустели ветки. Ещё миг — и прямо в упор на Андрея вылез бурый медведь. Андрей тотчас же выстрелил.

Сквозь дым Костя увидел, как зверь метнулся к Андрею. Костя тоже выстрелил. Медведь схлонулся головой в сугроб и грузно запахал пушистый снег. Быстро перезарядив ружьё, Костя ещё раз выстрелил в голову зверя, и тот затих.

— Есть медведь! — радостно крикнул он и вдруг затих, взглянув на друга. Тот лежал на снегу и, обхватив обеими руками бедро правой ноги, корчился от боли.

Костя бросился к товарищу, стал на колени и взялся руками за бродень.

— Руки пусти... пусти руки-то, — сердито проговорил, почти закричал он и стал оцупывать раненную медведем ногу Андрея. На разорванных брюках ала кровь.

— Встать можешь? Ну-ка, попробуй!

Андрей попытался подняться и не смог.

Костя распорол штанину на раненой ноге Андрея, затем оторвал подол своей рубахи и перевязал тряпкой ногу товарища. С трудом подняв Андрея на руки, он перенёс его к медведю.

— Садись на тушу-то, она тёплая.

— Да как мы теперь, Костя, домой-то пойдём?.. — еле выговорил Андрей прерывистым шёпотом, морщась от боли.

Костя в раздумьи тоже присел на медвежью тушу. На себе ему не донести друга, а идти на стан за колхозниками далеко, Андрей замёрзнет здесь. Что же делать?

Пальцы его коснулись тёплой шерсти зверя и он сразу вскочил.

— Придумал! Доберёмся! Я сейчас сниму с медведя шкуру и заверну тебя в неё. Она ведь тёплая, вои какая шерсть на ней! Ты лежишь в шкуре у костра, а я на стан сбегаяю за своими...

Андрей молча кивнул.

Костя быстро нарубил веток, и возле Андрея запылал костёр. Потом он взял нож и поспешно начал снимать шкуру, не обращая внимания ни на прорезы, ни на остающееся на мездre мясо. «Скорей, скорей», — сверлило в голове. Затупился нож. Костя взял нож Андрея и опять продолжал работу. Немало ушло времени, пока шкура была снята. После этого Костя нарубил сосновых веток, расстелил на

них у костра шкуру. На эту постель бережно уложил Андрея и начал закутывать его.

— Ты бы скорее на стан... А то ночь близится... Не дойдёшь... А я и так сейчас согреюсь... — говорил Андрей прерывающимся голосом. Его зубы выбивали мелкую частую дробь.

Костя тревожно взглянул на небо.

— Да, скоро стемнеет. Ну да я сейчас, моментом...

Торопливо он начал рубить поваленную сухую сосну, и скоро десяток толстых поленьев лежало возле костра.

— Хватит или нет? — оглянулся Костя. — Пожалуй, ещё нарублю. — И он ещё злее затапал топором по дереву.

Но вдруг топорище хрустнуло.

Костя досадливо сплюнул. Он сложил дрова возле самой шкуры. Костёр из толстых поленьев должен был гореть долго.

— Ну, жди. Я сейчас... — И Костя быстро застегнулся, надел свой патронташ, сунул сломанный топор за пояс и закинул на плечо ружьё. Он немного побаивался, как бы одному не запутаться в лесу; привык ходить вместе с Андреем.

Свистнув Бобку, Костя зашагал в сумрак высокого бора.

В лесу было тихо. Мороз крепчал. Точно в глубоком сне, стояли великаны-сосны, неподвижно свисали их поседевшие и отяжелевшие от изморози пушистые ветви.

Костя хорошо помнил: сюда они шли всё время на северо-восток. Значит, чтобы вернуться в стан, ему надо было идти на юго-запад.

По облакам он попробовал определить направление. Остановившись, осмотрел небо. Вершина большой ели приходилась как раз против синего оконца, разорвавшего облака. Костя стоял неподвижно. Синее окошко медленно поползло вправо.

— Облака в ту сторону идут, — рассуждал Костя вслух. — Хорошо... Сегодня крепко подмораживает — ветер северный. Только вот откуда: прямо с севера, или северо-запада, или с северо-востока? А это не всё равно. Ошибёшься, так, пожалуй, далеко от ста-на отклонишься.

Костя медленно двинулся в ту сторону, кудаплыли облака.

Но вот путь ему преградил крутой лог. Костя заглянул вниз и стал наискось спускаться. Внезапно нога провалилась в какую-то яму, и охотник покатился по склону.

— Фу, ты! — отдуваясь, отряхивался он, с обидой оглядываясь назад. И вдруг насторожился:

— А что это? Неужели барсучьи норы?

Быстро взбежал он обратно на косогор и начал разгребать рукавицей снег.

— Ну да, барсучья нора, самая настоящая! — крикнул он обрадованно. — А вот и другая нора! Выходит, этот склон к югу повёрнут. Барсук-то свои норы на южных склонах роет... Если эта покатость к югу, то облака стало быть на юго-запад тянутся. А всё-таки нельзя одним норам верить.

И Костя огляделся кругом. Вблизи он увидел небольшой снежный бугорок возле толстого пня, подбежал к нему и пнул ногой.

— Ну, конечно, муравейник. Теперь ясно — склон южный.

Юный охотник хорошо знал, что муравьи селятся у пня всегда с южной стороны.

— Значит, верно иду.

И Костя ускорил шаги. Жёсткие от мороза ветви деревьев и кустарников сплетались стеной и больно хлестали по лицу. Густая молодая поросль леса в овраге неожиданно преградила ему путь. Пока Костя спускался и выбирался на другую сторону оврага, прошло порядочно времени и стало быстро темнеть. Даже вблизи деревья казались расплывчатыми. На снегу нельзя было различить ни бугров, ни западин.

Костя остановился, потеряв направление.

— Где-то тут, совсем рядом, наша речка Черемшанка.

Не прошёл он ещё и ста метров, как деревья поредели, начался склон к реке... Костя радостно побежал вперёд.

— Так и есть, Черемшанка! — радостно воскликнул он, тяжело переводя дыхание. — От неё рукой подать до стана!

Андрей проснулся от боли в ноге, когда пошевелил ею. Долго ли он спал? Потрескивания костра не было слышно. Очевидно, огонь погас, потому что стало опять холодно.

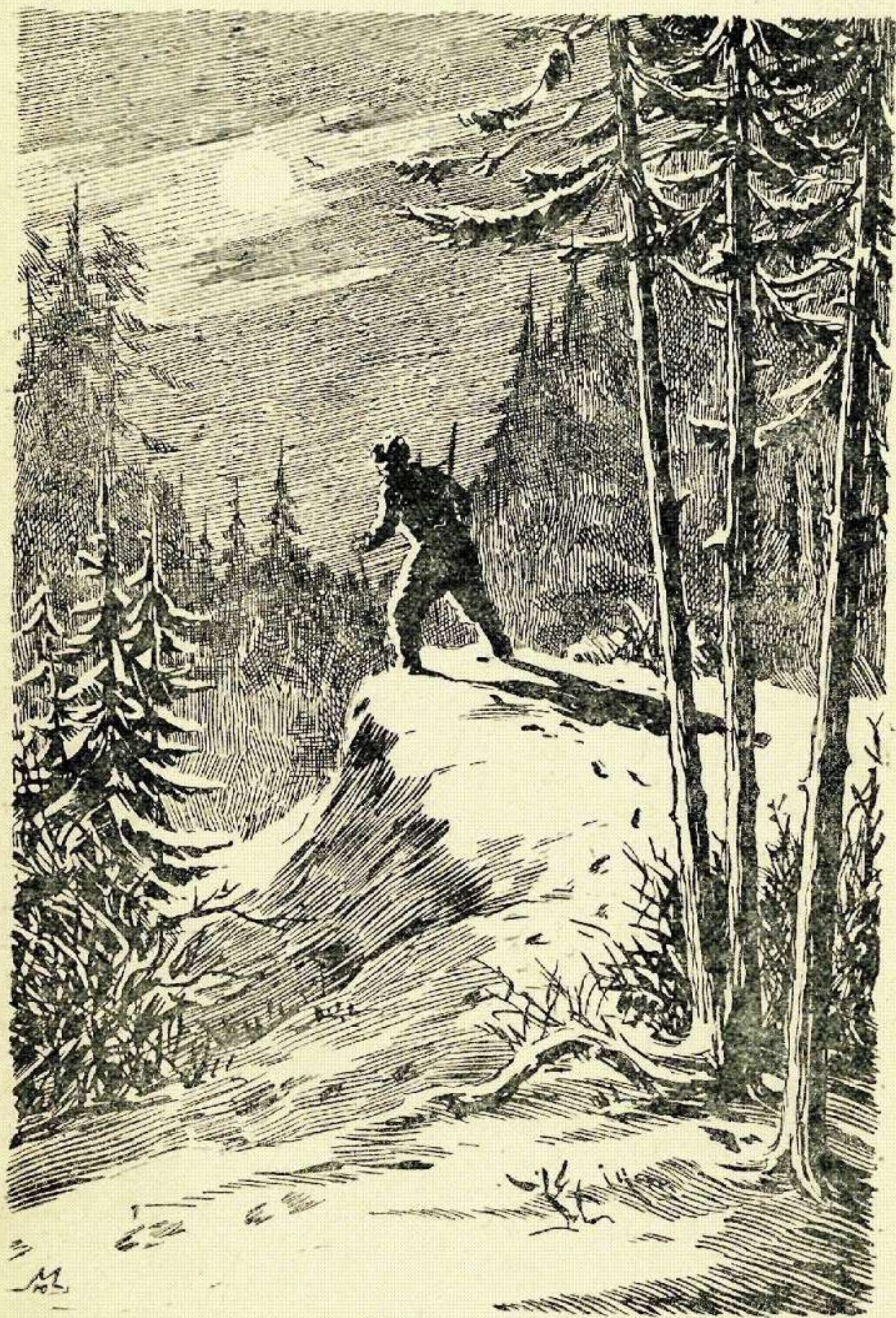
Сон освежил Андрея. Он решил встать, раздуть огонь и ждать помощи, сидя у костра. Но когда захотел приподняться на локте и скинуть с себя шкуру, вдруг почувствовал, что она сделалась, как деревянная, — он даже ушиб руку. Андрей рванулся в одну, в другую сторону и понял, что мороз сковал шкуру. Превозмогая боль, он пытался разорвать её, царапал, даже грыз, но всё было бесполезно; а нож остался там, снаружи, где Костя снимал шкуру.

От испуга и движений Андрей согрелся — даже пот выступил на лбу. Он не мог согнуть ног, повернуться с боку на бок и лежал, как в футляре, прислушиваясь к шуму ветвей от слабого ночного ветра. Ему то и дело чудились то голоса, то шаги и, затаив дыхание, он жадно вслушивался. Но кругом только шумел лес да изредка потрескивали деревья от крепившего мороза.

Андрею снова сделалось холодно.

— Только бы не задремать, — подумал он, — тогда замёрзну... Если Костя не собьётся с направления, помощь должна скоро придти.

...Не прошло и получаса, как Костя, греясь у горячей железной печки, сбиваясь от волнения, торопливо рассказывал о случившемся.

— Ну, а как ты в шкуру-то завернул его — внутрь или наружу мездрой? — спросил Костю бригадир.

— Шерстью внутрь, а мездрой наружу, — ответил Костя, не подозревая, что дядя Иван спросил об этом не случайно.

Охотники испуганно переглянулись между собой и замолчали.

— Ну что, ребята, притихли? — проговорил, поднимаясь с места, дядя Иван. — Скорее надо идти на выручку. Может ещё живым захватим. Сделай факела, Степан! Ты, Егор, два мешка разорви на носилки, продукты заготовь. Да живее! Каждая минута дорога!

И тотчас все задвигались, забегали.

Ефим разрывал заранее приготовленную берёсту на ленты и подогревал концы их на огне. Ленты свёртывались тугими спиралями. Одну за другой надевал он эти спиральки на тонкие прутья, которые нарезал у зимовья Степан.

А дядя Иван торопил:

— Скорее, скорее, ребята... Каждая минута человеку жизни может стоить.

Охотники собрались.

— Выходи! — скомандовал Иван. И люди с топорами, ружьями и собаками двинулись по тропе.

Вот Черемшанка и след Кости, где он вышел на тропу к стану. Тихо в бору. Только снег хрустит под ногами торопливо идущих людей, да резко чиркают по ватникам смёрзшиеся ветви деревьев.

Чёрной завесой наплыла стена хвойного леса. Точно в тёмный подвал сунулись в неё люди.

— Ну и темень! Зажгите факел, — сказал дядя Иван, вытащил коробок, зажёл спичку. Затрещала, закоробилась берёста и вспыхнула огненным языком, заливая светом ближайшие деревья.

Когда сгорело уже немало факелов, а лица идущих заросли белым инеем, впереди раздался голос дяди Ивана:

— Ну, ребята, подтянитесь — гарь близко...

Вот грива с барсучьими норами, вот полянка, где Костя брал направление. А вот и...

Туша медведя стала седой от инея. Правее — огромный неподвижный тёмный свёрток у потухшего костра.

Точно безумный, рванулся вперёд Костя.

— Андрей... — закричали сразу несколько голосов.

Костя схватил край шкуры и дёрнул, но она несколько не подалась.

— Плохо дело, ребята, — проговорил Иван. — Смёрзлась парная шкура на морозе и сковала человека. Замёрз Андрей в ней, как в деревянном ящике. Опоздали, наверно.

Костя стоял на месте, как окаменевший. Слезы хлынули из глаз намучившегося за день паренька.

Охотники обступили шкуру. Ярko засветились свежие факелы.

Дядя Иван крикнул:

— Тихо!

Все стихли и тогда ясно услышали приглушённый стон.

— Живой, живой, — обрадованно заговорили все охотники и стали торопливо разрезать смёрзшуюся шкуру.

— Ну что? — обратился к Косте дядя Иван. — Будешь ещё в шкуру мехом внутрь людей завертывать! А?

— Не-е-т. Ср-о-ду не буду.

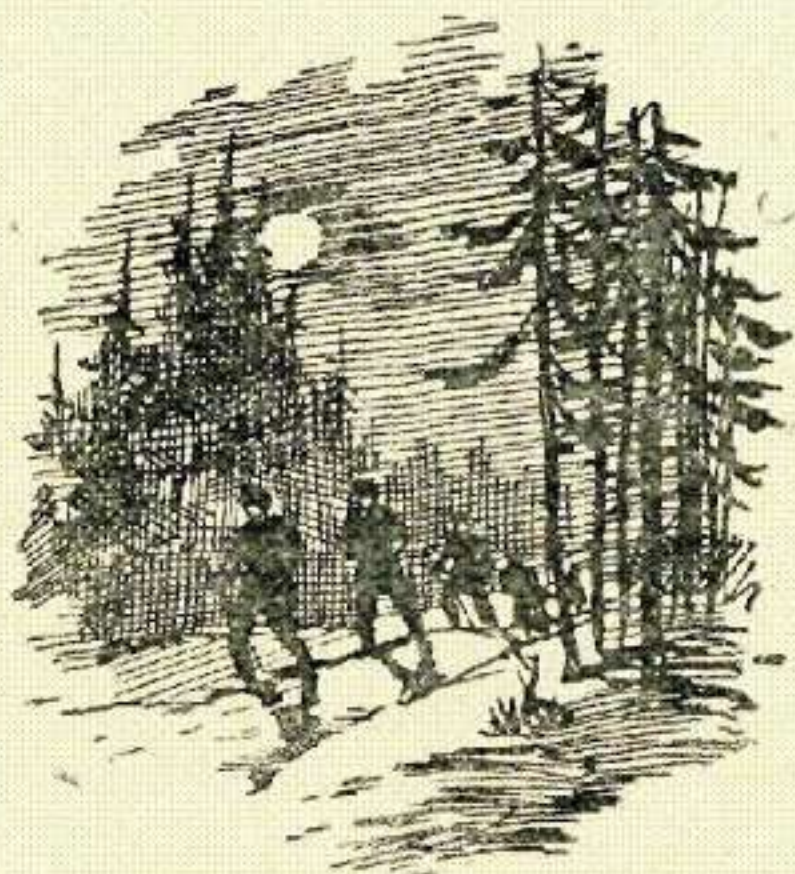
Обратно охотники шли, горячо обсуждая происшествие.

Впереди шагал дядя Иван. За ним, чуть не бегом, едва поспевал Костя. Двое охотников несли носилки с Андреем.

— Дядя Иван! Как же это так? Почему, если мездрой внутрь завернуть, шкура не смерзается, а если шерстью внутрь — заледенеет?

— Если в шерсть завернёшься, она от тела к мездре тепло не пропустит — кожа и смерзается. А если в мездру завернуться, то тепло от тела прямо по коже разойдётся, а остывать ей снаружи шерсть не даёт. Вот шкура-то и не сковывается морозом.

На всю жизнь запомнилась ребятам эта ошибка.

Лодка выплыла из тростников на открытую гладь большого озера. Со всех сторон начали подниматься утки. Огромные стаи их чернели вдали на воде. Солнце было уже низко, и охотники торопились занять места, чтобы успеть сделать шалаши («засидки») для охоты на вечернем перелёте.

Лодка мягко ткнулась носом в небольшой островок, который слегка возвышался у края необозримых зарослей тростника, залитого водсй.

— Вылезайте, Иван Петрович, замечательное место, — сказал проводник — местный охотник, учитель сельской школы. — На заре все утки полетят над вами.

Иван Петрович выбрался из лодки на островок и осмотрелся. Кругом видны были старые утиные гнёзда, перо и помёт птиц.

Высадив товарища, охотники уехали дальше.

Иван Петрович нарезал острым ножом осоку, камыш и принялся за работу. Устроить небольшой шалаш недолго. Иван Петрович быстро сделал его в половину своего роста.

Солнце почти касалось горизонта. Тростники шумели от ветра, и по озеру ходили волны. Стаи уток россыпью чёрных точек качались на воде.

Вдали показался беркут. Медленно махая крыльями, он летел над озером. Сотни уток поднялись в воздух и разлетелись во все стороны.

Перелетев озеро, беркут проделал на нём как бы «просеку», очистив от уток широкую полосу воды по пути. Не взлетели только нырковые утки — гоголя, чернедь и другие. Они ныряли и затем опять появлялись позади пролетавшего хищника.

В тростниках уже кое-где кричали лысухи и водяные курочки.

Вскоре пара гусей, поднятая шуршащей в камышах лодкой, пролетела близко над островком. Иван Петрович заметил их и, выстрелив, сбил одну птицу. Птица камнем шлёпнулась почти к его ногам с такой силой, что весь островок вздрогнул.

Выстрел потревожил уток. Солнце село и начался перелёт. Иван Петрович уж сбил нескольких уток, когда до него донеслись первые выстрелы товарищей. Видимо, они уехали на другую сторону озера и охотились там.

Ветер дул со стороны озера, и подстреленных уток, упавших в воду, быстро подносило к островку или к кромке тростника, залитого водой.

На заре ветер стал крепче.

Иван Петрович, увлечённый удачной охотой, вдруг заметил, что островок его стал совсем маленький, а утиные гнёзда по краям всплыли, поднятые водой. Островок быстро уходил под воду. Убитые гуси и утки тоже всплыли.

Иван Петрович растерянно взглянул по сторонам и вдруг понял: островок опускался под его тяжестью.

Охотник быстро выстрелил два раза вверх и громко крикнул. Но его крик, казалось, утонул в шелесте тростника.

Кричать было бесполезно. Против ветра его голос могли слышать не далее, как за полкилометра, а

товарищи были дальше. Что делать? Нужно немедленно принять какое-то решение.

Островок же опускался вниз всё быстрее. Вот он уже весь покрылся водой, и кругом возвышался только камыш.

Растеряннo оглядываясь, Иван Петрович не знал, что предпринять. Плавал он плохо. Да и бесполезно было пускаться вплавь к берегу, до которого более километра. Охотник стоял уже до пояса в воде. Начало темнеть, но выстрелы товарищей раздавались попрежнему далеко. Очевидно, они вернутся нескоро, когда будет совсем темно. Отчаяние овладело Иваном Петровичем. Он кричал до хрипоты.

— Утонуть так глупо... Нет, это невозможно... — и, барахтаясь в воде, Иван Петрович всплыл, несколько минут держался на воде над своим островком. Но сапоги и одежда тянули вниз, и он опять встал на ноги. И тут вдруг оказалось, что его плечи над водой выше, чем раньше. Очевидно, освобождённый от тяжести, островок немного приподнялся.

Иван Петрович обрадовался. Он кое-как стянул с себя телогрейку, несколько раз нырнув, освободился от разбухших сапог. Держаться на воде стало легче.

Островок опять чуть приподнялся, и Иван Петрович стал на него, чтобы немного отдохнуть. Когда же вода достигла подбородка, охотник снова всплыл. Так Иван Петрович, то всплывая, то опускаясь на островок, коченея в холодной осенней воде, с нетерпением ждал товарищей. Выстрелы на той стороне прекратились; очевидно, охотники собирали дичь и скоро должны были приехать.

Держаться на воде становилось всё труднее и труднее. Руки и ноги окоченели и плохо слушались. Мысли в голове путались, кричать он не мог, а только хрипел.

Между тем, товарищи спокойно возвращались, ничего не подозревая. Выстрелы Ивана Петровича вначале едва были слышны против ветра, и охотники не придали значения тому, что они прекратились.

Учитель только что закончил рассказ о дуплете, когда он двумя выстрелами сбил двух крякв. В темноте показалась кромка тростника. Охотники повернули лодку и поплыли вдоль тростниковой стены, стараясь разглядеть в темноте островок.

Учитель крикнул. К общему удивлению никто не ответил. Он крикнул громче и выстрелил в воздух. Охотники остановили лодку и стали слушать, но вокруг шумел только тростник.

— В чём дело? Что случилось? — забеспокоился учитель. — Давайте крикнем вместе, — предложил он спутнику и сразу же оба громко и дружно закричали:

— Иван Петрович! Иван Петрович!

Ответа не было. Но неожиданно из темноты донёсся прерывающийся придушенный человеческий хрип.

— Спа-си-те!

Под ударами вёсел лодка рванулась вперёд.

С трудом втащили охотники в лодку своего товарища, уже почти потерявшего сознание.

После этого несчастного случая, бывая на охоте, охотники никогда не делали «засидки» на плавающих островах, оторвавшихся от береговых торфяных сплавин.

ОДНАЖДЫ

Вечером

Солнце низко опустилось над лесом. Вечер был тихий, ясный — такой, как и в предыдущие дни. Однако поплавки у обеих удочек стояли совершенно неподвижно. Клёва не было. А за два дня до этого здесь так клевала рыба, что с двумя удочками было трудно справиться.

Я насадил свежих червей, забросил удочки и воткнул концы удилищ в берег. Круги на воде от всплеска разошлись, и на зеркальной поверхности заводи поплавки замерли без движения.

Взобравшись на берег, я прилёг под развесистой елью. Небольшая лесная речка спокойно струилась у моих ног, скрываясь за поворотом. Противоположный глинистый берег спускался обрывом в воду. В его отвесной стене было множество норок береговых ласточек. Птицы носились в воздухе, ловя насекомых, и по временам с разлёта ныряли в свои норки.

С унылым видом смотрел я на неподвижные поплавки, думая о том, что пора, пожалуй, собираться домой.

И вдруг отчаянно закричали береговые ласточки. Я взглянул на противоположный берег и вздрогнул от неожиданности: прямо против меня за речкой, над обрывом, стоял огромный медведь. Зверь не замечал меня и, нюхая воздух, лёг и стал тянуть лапу к норкам ласточек, — его привлекали, видимо, яйца или птенцы.

Но достать норки сверху оказалось невозможным, и, вскочив, медведь быстрым шагом направился вдоль обрыва. Вскоре он нашёл место, где можно было спуститься к воде.

Вот зверь опять против меня. Теперь он стоит у самой воды и тянется носом к норкам. Встав на задние лапы, медведь долго царапал глину передними, но дотянуться до норок снизу он так же не мог, как и сверху.

Зверь раздражённо заурчал. Шлёпая по воде, он направился обратно к тому месту, где спустился с обрыва. Вскоре он снова лежал на животе и заглядывал вниз. С удивительной настойчивостью зверь переходил с места на место, ложился и тянулся к норкам. При этом он вытягивал вперёд «трубочкой» губы.

Наконец, после долгих усилий, медведь сверху дотянулся до одной норки. Он начал разрывать вход. Посыпалась глина и по речке поплыла мутная дорожка. Ласточки, неистово крича, закружились над зверем всей стаей.

Развязка наступила неожиданно. Медведь настолько свесился с обрыва, что потерял равновесие и рухнул в речку вниз головой.

Облако пыли и брызги скрыли зверя. Яростный рёв потряс тишину летнего вечера.

Мокрый и грязный медведь вылез на берег и тяжело пошёл, слегка прихрамывая и грозно ворча. Он взобрался наверх и мощно встряхнул всей шкурой. Тысячи брызг полетели во все стороны. Сердито рывкнув, медведь было направился к лесу, но вдруг остановился, с яростью облапил небольшое деревце и бе-

шено затряс его во все стороны. Сорвав злость, медведь, не торопясь, скрылся в лесу, ни разу не оглянувшись.

В летнее время в лесу сколько угодно корма. Крохотные яички береговых ласточек, конечно, не могли бы насытить огромного зверя. Но лесному великану захотелось полакомиться, а заодно и позабавиться. Неудача привела зверя в раздражение.

Я обождал ещё с полчаса, но медведь больше не появлялся. Начало темнеть. Тогда я быстро смотал удочки и направился по лесной дорожке домой.

БЕЛЫЙ *марал*

Бугу родился в густой чаще кедровых лесов в верховьях Иртыша. Хвоя висела над ним, как густой зелёный полог. Ни холодный туман, поднимавшийся с бурной речки, ни знойные солнечные лучи не проникали в чащу. Под кедрами было прохладно в полдень и тепло ночью.

Первые часы своей жизни маленький марал провёл рядом с матерью. Он пробовал подниматься с земли, покачиваясь на своих слабых ножках, но снова быстро опускался на мягкую, прелую хвою.

Тёплый язык матери нежно прилизывал его шерсть.

Прошла ночь, и утром мать оставила Бугу одного, выбравшись из лесной чащи на поляну. Она постояла несколько минут на опушке леса, втягивая ноздрями воздух и поводя ушами, а затем лёгкой рысью направилась к берегу реки. Ей хотелось пить.

Бугу этого не заметил. Он спал. Не видел он и белку на ветке. Рыжий зверёк уронил шишку и старался рассмотреть, куда она упала. Вместо шишки он увидал маралёнка.

Много видела белка маралов, но такого — в первый раз. Обычно маралята рождаются тёмными, с белыми пятнышками; это помогает им скрываться от врагов среди камней, стволов деревьев и сухой травы. Бугу родился почти белым.

Видя, что маралёнок не двигается, белка сбежала по стволу кедра и, раздув трубой хвост, удивлённо крикнула:

— Цо-цо-цо-цо!

Бугу проснулся, поднял мордочку и увидел, как рыжей лентой мелькнул вверх по стволу зверёк.

Маралёнок впервые в своей жизни почувствовал страх. Не видя около себя матери, он жалобно замычал...

И она сразу же услышала зов. Через несколько мгновений мать была около него.

Прошло немного дней. Бугу окреп, стал твёрдо держаться на ногах. Однажды утром мать двинулась через чащу, лёгким мычанием приглашая сына следовать за ней. Пройдя несколько десятков шагов по кедровой чаще, маралёнок впервые увидел небо, солнце, зелёный луг, цветы...

Шум речки сначала испугал Бугу. Но когда мать стала пить воду, он подошёл поближе и даже попробовал, насторожив уши, ступить в быстрые пенистые струи. Вода была холодная, и Бугу, брыкаясь, выскочил на берег.

За первой прогулкой последовала вторая, третья. Наконец, маралуха стала подниматься выше, в горы, где обычно маралы проводят лето.

Двинулась она рано утром вверх по речке, поминутно нюхая воздух и прислушиваясь. Дорога вела опушкой леса, и маралуха время от времени рысцой перебегала открытые пространства, где ей и её сыну могла угрожать опасность.

Клёкот орла заставил её задержаться под развесистым кедром. Потом путь их пересек след медведя. Мать в испуге бросилась к Бугу, широко раздувая ноздри. След был свежий, только что примятая тра-

ва ещё не выпрямилась; значит, зверь где-то совсем ещё близко.

Бесшумными скачками мать бросилась в сторону. Маралёнок помчался за ней, напрягая все силы, спотыкаясь о камни и корни.

Отбежав подальше от опасного места, маралуха пошла тише, и Бугу мог отдохнуть.

Долго шли они, поднимаясь на вершину горы. Наконец, кедровые стали реже и ниже, бурная речка превратилась в небольшой прозрачный горный ручей.

Под сводами последних кедров мать и сын остановились. Дальше простирались открытые склоны гор, усеянные камнями, заросшие карликовыми берёзками, мхами, травой; ещё дальше белел снег. Маралы были в горах. Здесь Бугу предстояло провести своё детство.

Охотник Аманчин разыскивал ушедших в горы лошадей. Вот уже второй день он ищет их около снежных вершин. Здесь каждый камень знаком старому охотнику. Много лет тому назад Аманчин в первый раз поднялся с отцом в эти горы. Он хорошо помнит горные тропы, проложенные маралами. Стоило только по этим тропам выехать на хребет, и с него легко можно было увидеть рогатых горных красавцев.

День клонился к вечеру, и Аманчин начал подумывать о ночлеге.

Вдруг до его слуха донёсся лай собаки. По голосу охотник понял, что она нашла зверя.

— Не медведь ли?

Привязав лошадь, Аманчин поспешил вперёд и вскоре заметил маралуху с маленьким телёнком. Собака вертелась вокруг рассвирепевшей матери — не давала ей бежать и кидалась на отстающего телёнка.

Охотник знал, что советский закон воспрещает стрелять маралов. Он хотел было уже позвать собаку, отогнать её, как вдруг заметил, что передняя нога маралухи в капкане, забытом в горах, видимо, ещё

с зимы. С капканом на ноге маралуха, вместе с телёнком, обречена в горах на верную смерть. Аманчин решил спасти хотя бы маралёнка.

Охотник прополз по траве до самой опушки карликовых берёзок. Дальше ползти было нельзя. Перед ним простирался открытый со всех сторон альпийский луг. Стрелять далеко. Но медлить тоже нельзя, — маралуха с телёнком, отбиваясь от собаки, уходила всё дальше и дальше. Аманчин прицелился. Грянул выстрел, и маралуха упала. Но через секунду тяжело раненное животное поднялось и бросилось вместе с Бугу вниз по ущелью, к опушке леса, таща на ноге капкан. Вслед за ними гналась собака.

Аманчин бросился вперёд. Вскоре он услышал лай внизу, уже в кедрачах. Ещё немного — и охотник увидел маралуху. Она прижалась к стволу столетнего кедрача и отгоняла собаку. Искусанный Бугу стоял у неё под брюхом.

Ещё раз грянул выстрел. Бугу едва успел отскочить, чтобы не попасть

под упавшую мать. Охотник бросился к маралёнку.

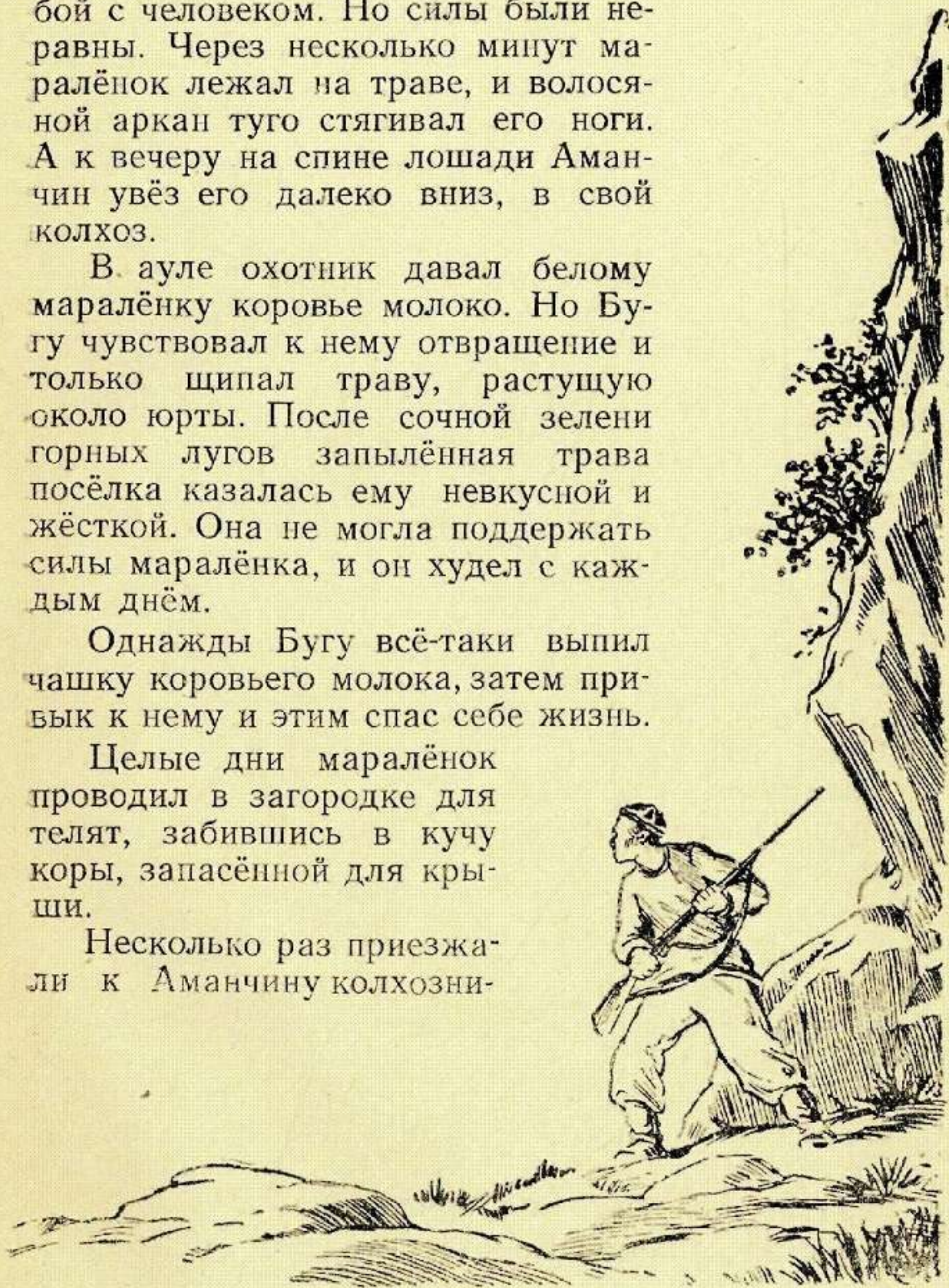
Бугу не побежал. Низко опустив голову, он отважился вступить в бой с человеком. Но силы были неравны. Через несколько минут маралёнок лежал на траве, и волосяной аркан туго стягивал его ноги. А к вечеру на спине лошади Аманчин увёз его далеко вниз, в свой колхоз.

В ауле охотник давал белому маралёнку коровье молоко. Но Бугу чувствовал к нему отвращение и только щипал траву, растущую около юрты. После сочной зелени горных лугов запылённая трава посёлка казалась ему невкусной и жёсткой. Она не могла поддержать силы маралёнка, и он худел с каждым днём.

Однажды Бугу всё-таки выпил чашку коровьего молока, затем привык к нему и этим спас себе жизнь.

Целые дни маралёнок проводил в загородке для телят, забившись в кучу коры, запасённой для крыши.

Несколько раз приезжали к Аманчину колхозни-

ки из соседних колхозов. Тогда около убежища Бугу ставили лошадей. Их запах напоминал маралёнку первое путешествие на коне Аманчина. Он ещё глубже забивался в кучу коры. Иногда Аманчин вспоминал про своего пленника и приводил его ночью в юрту. Там стоял такой чад от табачного дыма, что Бугу начинал задыхаться. Потные руки гладили его серебристую спинку; гости удивлялись находке Аманчина.

Так, среди волнений и страхов, проходило первое лето жизни белого маралёнка.

Приближалась осень — самая рабочая пора. Охотники отправлялись в горы за кедровыми орехами и пушным зверем. Собрался и Аманчин со своей семьёй. Но перед отъездом он решил позаботиться о Бугу. И вот в одно ясное сентябрьское утро маралёнок опять оказался на спине лошади. Аманчин повёз его в государственный маральник.

В маральнике с Бугу сняли аркан. Он помчался лёгкими скачками вдоль забора, подальше от людей. Следом за ним, вытянув шеи и насторожив уши, бежали его полудикие сородичи. Когда Бугу остановился, они с любопытством смотрели на новичка. Старая матка осторожно подошла к Бугу, внимательно обнюхала его и, наклонив голову, сделала вид, что хочет боднуть его в бок. Бугу отбежал к её задним ногам. Матка обернулась, опять обнюхала его и, фыркнув, начала щипать траву. Знакомство состоялось, маралёнка приняли в стадо.

Наступила зима. Вершины гор уже давно побелели, и снежная пелена спускалась всё ниже и ниже. Маралы испытывали беспокойство. Они целыми днями бродили друг за другом вдоль высоких заборов, посматривая на горы.

Когда снег засыпал всю долину, однажды ворота маральника открылись, и алтайская лошадь, не привыкшая к упряжи, неловко втащила воз сена, косясь на маралов, похрапывая и прядя ушами.

Воз сена свалили. Ворота снова закрылись. Старая матка, жившая в маральнике уже много лет, пер-

вая подошла к сену и стала его есть. Все последовали её примеру. Свежее сено оказалось вкуснее, чем вытоптанная, покрытая снегом трава маральника.

Но вот опять повеяло теплом. Брёвна изгороди почернели от тающего снега. У взрослых самцов появились бугорки молодых рогов, пока ещё мягкие, покрытые пушком и наполненные кровянистой жидкостью. Это были те самые панты (употребляемые, как лекарственное вещество), ради которых и содержалось всё стадо.

Вскоре земля в маральнике покрылась зелёной травой. Кругом шумели ручьи, и бешено ревела в своих берегах река, ворочая громадные камни, обдавая брызгами крутые берега.

Высоко в небе раздавались трубные звуки журавлей, несущихся длинными вереницами на север. В соседнем лесу зазвенели птичьи голоса. Недоеденное сено темнело посреди свежей зелёной травы.

В начале лета в маральник пришли колхозники-мараловоды с арканами в руках. Старые маралы уже знали, что значит это посещение, и стали метаться вдоль забора. Колхозники погнались за ними, стараясь отбить от стада нужного им марала.

Первым с большим трудом был отделён молодой бычок с первыми в его жизни пантами. Его погнали в дальний конец маральника. В этом месте вдоль стены была устроена загородка. Она начиналась далеко от стены, а затем постепенно приближалась к ней, оставляя только узкий проход. В этот проход и был загнан молодой бычок. Между брёвнами забора люди просунули жерди, и марал оказался в станке. Рабочие защемили ему голову между двумя брёвнами. Один из рабочих подошёл к станку и маленькой лучковой пилкой быстро перепилил мягкие рога у самого основания.

Операция длилась не более полуминуты. Затем на голову марала вылили ведро холодной воды, раны присыпали порошком, останавливающим кровь, и животное было выпущено обратно в маральник.

Прошло два года. Бугу превратился в крепкого красивого бычка необычайной серебристо-серой масти. Слух о белом марале разнёсся далеко по аулам и дошел до соседнего курорта.

Курортники и раньше любили приезжать шумными кампаниями в маральник; теперь же они стали бывать здесь ещё чаще. Бугу фотографировали, рисовали. Но только издали. Все попытки подзвать его поближе не удавались, — он забивался в глубь маральника и оттуда недоверчиво поблёскивал чёрными большими глазами. Старая матка подходила к забору и с аппетитом поедала густо посоленный хлеб, предназначенный для Бугу.

Не он один, — все самцы в маральнике были более дики, чем самки: ежегодно их ловили и подвергали операции — срезали мягкие, растущие рога.

Лето опять сменилось осенью, и опять раздались высоко в небе трубные звуки журавлей, покидавших родные просторы. Снова покрылись долины снежной пеленой. Так же, как и раньше, пофыркивала лошадь с первым возом сена.

К зиме Бугу стал красой всего маральника. Его гордая голова была всегда высоко вскинута. Тело его казалось вылитым из стали. Но всего красивее была его шерсть. Светлосерая, она, как серебро, сверкала на фоне потемневших от времени стен маральника.

ОРЁЛ

Азамат

Лисица мчалась изо всех сил, высунув язык. Степной полуденный ветер не освежал, и дышать было всё труднее.

А сзади раздавался тяжёлый топот коня и крик всадника.

Лисица выскочила на выжженный южный склон холма. Здесь ей бежать сразу стало легче. Она рванулась туда, где вдали желтели тростники степного озера, — там было спасение. Но именно сюда из густой травы и гнал её молодой охотник Азамат.

Трава стала редеть.

Всадник бросил в воздух своего орла. Однако птица не заметила лису и медленно, кругами, начала подниматься вверх — всё выше и выше.

Азамат нетерпеливо поглядывал то на далёкий красноватый шарик, что катится по степи, то на орла, всё ещё набирающего высоту.

Тростники уже близко. Ещё несколько минут — и лиса скроется в них.

Но беркут, наконец, увидал зверя, и понёсся за ним.

Азамат внизу торжествующе гикнул и пригнулся к гриве коня. Теперь лисица будет его!

Огромная птица уже выкинула вперёд свои страшные, когтистые лапы и стремительно упала на лису.

Зверь заметался в разные стороны, но беркут не знал промахов: мощные когти вонзились в спину лисы, удары клюва посыпались на её голову.

Когда Азамат подскакал, беркут торжествующе заклекотал и послушно сел на рукавицу хозяина.

Азамат привязал мёртвую лису к седлу.

Охотник снова повернул в степь. Вскоре из-под куста полыни выскочила другая лиса и бросилась к озеру.

Азамат пустил беркута. Птица сразу заметила лису и погналась за ней. Так же без промаха орёл схватил лису у самых камышей, рядом с большим стогом сена.

Вдруг Азамат невольно придержал коня — над его головой раздался шум крыльев падающего орла.

Огромный беркут, невиданных ещё размеров, камнем упал из-под облаков на лису. Охотничья птица безропотно уступила свою добычу этому великану и взлетела на стог.

А беркут поднялся в воздух. В когтях у него висела, как тряпка, лиса.

Охотник стоял и смотрел, не веря своим глазам. Такого огромного беркута он видел впервые. Вот иметь бы его — он будет без промаха брать даже волка!

Легко, как будто с зайцем в когтях, птица поднималась кругами всё выше и выше. Вот орёл уже стал чёрной точкой, где-то под облаками, но Азамат всё ещё смотрел и смотрел вверх, пока эта чёрная точка совсем не исчезла.

«Надо поймать этого беркута во что бы то ни стало», — решил Азамат. Спрятав лошадь в камышах, он целые дни лежал, зарывшись в сено. А на скирде выставлял приманку — мёртвую лису, перевя-

занную верёвкой. Азамат терпеливо держал конец этой верёвки в своей руке.

Охотник был упорен, и на третий день его зоркий глаз заметил под облаками чёрную точку. Это летел беркут. Азамат был уверен, что это — тот самый беркут.

Он исчез в сене и потянул за верёвку. Труп лисы пополз по скирде.

Сердце Азамата застучало. Он услышал знакомый шум падения орла.

Охотник рванул за верёвку, лиса быстро поползла по сену и оказалась у него над головой. Вдруг тяжёлая птица с клёкотом упала на мёртвого зверя и стала яростно долбить его голову.

В один миг Азамат схватил беркута за ноги. Началась борьба. Но огромный беркут был так напуган, что юный охотник легко справился с ним.

...Шли месяцы. Громадная птица медленно поддавалась дрессировке. Но упорство и труд Азамата брали верх. Орёл уже прекрасно знал своего хозяина, шёл на его зов и садился по его знаку на рукавицу.

Вскоре беркут послушно, без промаха, стал брать лисиц. Тогда решено было испытать его на волках.

Старик-отец радовался, видя упорство сына.

Наступил долгожданный день — первый охотничий выезд на волков. Из далёких посёлков съехались в этот день охотники, чтобы посмотреть, как беркут будет брать волка. Размеры птицы поражали всех.

Погода испортилась. Дул резкий ветер, низкие облака плыли над степью. Но надо было выезжать.

Вот и места, где постоянно держатся волки. Всадники рассыпались цепью.

Вскоре из зарослей полыни поднялась волчица и бросилась вперёд. Охотники помчались за ней с криком и свистом. Азамат пустил беркута.

С тревогой наблюдал он за полётом птицы. Азамат не видел, куда скачет его конь. Он следил только за беркутом. Волчица уже далеко впереди мелькает в зарослях чия.

Но вот Азамат радостно вскрикнул: орел заметил волчицу!

Среди чистого поля, на глазах у всех охотников, беркут ударил зверя и мигом согнул его, сжав своими могучими лапами.

Люди не верили своим глазам: волчица не могла сделать больше ни шага, она только дёргалась на месте всем телом под ударами огромного клюва.

Орёл послушно взгромоздился на рукавицу Азамата. Молодой охотник торжествовал.

Погода, между тем, становилась всё хуже и хуже. Дул резкий ветер. Каждую минуту мог начаться ураган.

Охотники повернули к дому. Они ехали и оживлённо делились впечатлениями.

Вдруг из-под самых копыт всадников выскочила лиса и понеслась по совершенно открытой степи.

— Пускай, пускай беркута! — с азартом закричали охотники. — Он принесёт её тебе в седло! Пускай! — Только миг колебался Азамат и потом пустил птицу.

Орёл начал набирать высоту, но, заметив лису, понёсся за ней. Внезапно сильный порыв ветра сорвал шапку с запрокинутой головы Азамата. Налетел ураган. Порывом ветра беркута подбросило высоко вверх. Однако мощная птица старалась выровнять полёт. Охотники видели, что она смотрит теперь не на лису, а на хозяина, который отчаянно свистел и звал её к себе. Новый бешеный порыв ветра подбросил беркута снова вверх. Всё выше и дальше уносило птицу. Охотники смущённо стояли и глядели вслед уже едва заметной чёрной точке под облаками.

Только Азамат бешено скакал и свистел, исчезая вдали. Чёрная точка скрылась в облаках.

Хлынул проливной дождь.

Азамат пришёл домой поздно ночью, пешком. Он загнал своего коня, но беркута не вернул.

В юрте никто не спал. Охотники-гости и отец не проронили ни слова, когда он вошёл. Всё было ясно и так.

Азамат устало сел на кошму и уставился на огонь. Тишину нарушил отец Азамата.

— С облаков спустился, в облака и ушёл, — сказал он. Ему никто не ответил.

Долго в ту ночь не спали гости. Азамат забылся только уже перед светом и первый проснулся утром. Ураган давно стих, и лучи солнца уже пробивались в юрту.

За ночь Азамат придумал десятки планов, как разыскать и поймать птицу. Но сейчас, утром, они все показались ему невыполнимыми.

Азамат вышел из юрты. И вдруг он вздрогнул, даже отпрянул назад.

Около юрты, на своём обычном месте, спокойно сидел его беркут и чистил перья.

Ласточки

С ПАРОВОЗА СУ-125

Машинист Сеницын пришёл принимать паровоз «СУ-125». Завтра он должен повести пригородный пассажирский состав.

«СУ-125» стоял уже несколько месяцев после капитального ремонта и прокатки за паровозным депо в числе других таких же машин резерва. Он был в полной исправности.

Сеницын начал осмотр.

Сначала он не обратил внимания на двух ласточек, которые с отчаянным криком кружились у него над головой. Но когда машинист полез в паровозную будку, ласточки подняли такой крик, что он с удивлением приостановился и посмотрел на них.

В будке Сеницын услышал писк птенцов над головой: под потолком было прикреплено земляное гнездо ласточек, откуда и раздавался писк. Пока паровоз стоял на месте, птицы устроились в нём и вывели птенцов.

— Вот оказия, — изумился Сеницын, — что же теперь делать? Он с сожалением взглянул на ласточек, которые кружились около паровоза. В клювах у

них были какие-то мошки, которых они принесли птенцам.

Влететь в будку, где был человек, ласточки не решались.

Синицын несколько раз вылезал из паровоза и начинал осматривать тендер, колёса и буфера, хотя у него не всё было осмотрено в будке. Как только он спускался, ласточки влетали в будку и начинали кормить птенцов.

Но вот подошёл маневровый паровоз. Звонко щёлкнули тарелки буферов, и сцепщик ловко набросил форкоп на прицепной крюк паровоза.

Синицын высунулся и закричал:

— Обожди, Иван Фёдорович, обожди! — При этом он поспешно опустил из будки и поднялся на маневровый паровоз.

— Чего ты? — изумился машинист.

— Ничего, давай задний, только тихо!

— Да что такое, паровоз неисправен, что ли?

Но Синицын с интересом смотрел, что будут делать ласточки.

Они спокойно начали кормить птенцов, едва он ушёл.

Лязгнуло сцепление, паровоз с гнездом вздрогнул и плавно покатился по рельсам. Ласточки испуганно вылетели и с криком закружились в воздухе.

— Тише, тише, помаленьку, Фёдорыч! — крикнул Синицын.

Но его тревога была напрасной: ласточки следовали за паровозом и поочерёдно влетали в будку с мухами в клюве.

Колёса застучали на стрелке. Паровозы пошли по другому пути. Ласточки следовали за «своим» паровозом с одного конца станции на другой. Они не обращали внимания на струю воды, которая лилась в тендер из колонки; не беспокоила их и погрузка угля.

Но едва Синицын поднимался в будку, птицы прекращали кормить птенцов и с криком кружились вокруг паровоза.

— Нельзя же из-за них перестать готовить паровоз к поездке, — ворчал Сеницын, раздражённо выглядывая из будки.

Вдруг одна из ласточек с криком влетела в окно. Сеницын даже присел на корточки посередине будки, боясь испугать птицу. Ласточка сунула что-то птенцам и вылетела. Так состоялось первое знакомство машиниста с ласточками.

Утром для птиц началось первое испытание. Из трубы паровоза за клубился дым, а по его бокам зашипел белый пар. Но ласточки не обратили на это никакого внимания.

Всё чаще и чаще влетали они в будку, хотя там было уже три человека. Кочегар и помощник машиниста посмеивались над Сеницыным, но и их тоже заинтересовало, что будут делать ласточки, когда паровоз поведёт состав.

Стрелка на перронных часах показывала ровно три часа дня, когда Сеницын подал паровоз на первый путь под пассажирский состав. Ласточки продолжали кормить птенцов.

Но вот Сеницыну передали жезл с путёвкой на отправление, и он забыл о своих квартирантах. Раздались звонки на перроне, свисток кондуктора, и паровоз рванул состав, закутавшись в белые клубы пара.

Только за семафором, когда уже выехали за город, машинист вспомнил о ласточках и с тревогой высунулся в окно. Ласточек нигде не было видно. У Сеницына было такое состояние, как будто он в чём-то виноват или кого-то незаслуженно обидел.

Вдруг одна из ласточек влетела в будку и села на гнездо с кормом в клюве.

Сеницын вёл поезд с предельной скоростью, а вслед за поездом летели ласточки, на остановках и в пути они кормили своих птенцов, а ночью спокойно спали на краю гнезда. После этой поездки птицы не покидали паровоза, куда бы он ни шёл, пока не выросли и не вылетели их птенцы.

Когда гнездо опустело, Синицын бережно снял его и унёс домой на память о ласточках.

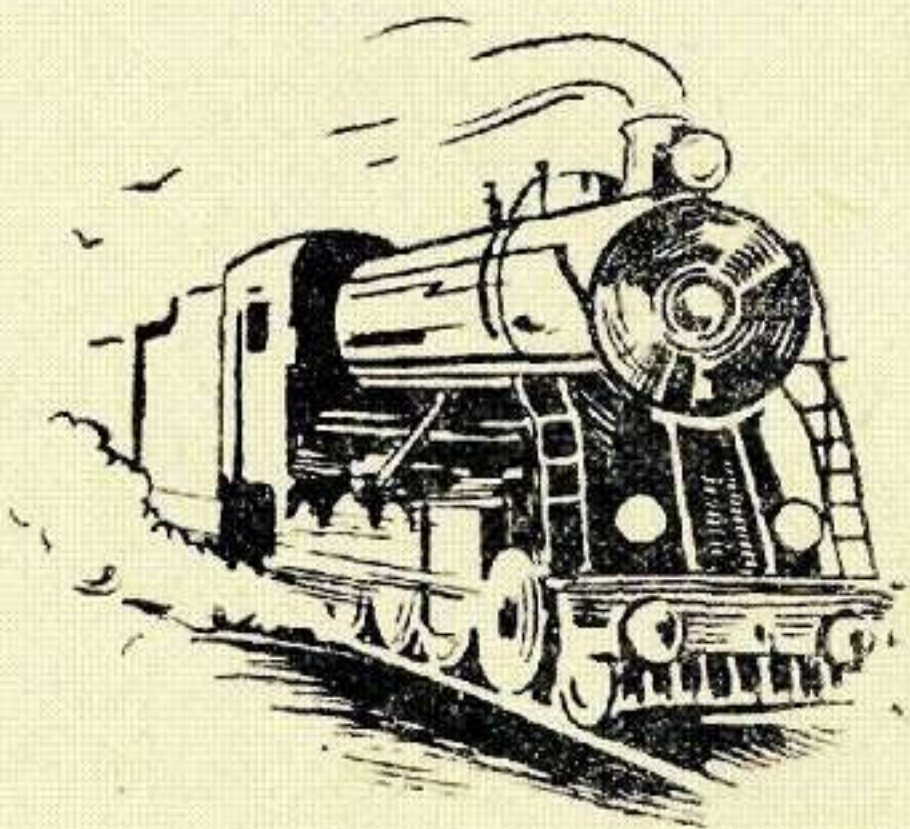
Однажды он сидел в станционном буфете с двумя другими товарищами. К ним за столик подсел проезжий машинист с парохода «Аральск».

Был конец лета, и в открытое окно буфета донеслось щебетание ласточек.

— Не твои ли это ласточки, Синицын? — спросил один из машинистов, улыбаясь.

— Возможно, — ответил Синицын и разговор зашёл о ласточках. Синицын рассказал проезжему машинисту их историю.

— А знаете, — ответил тот, — ведь и у нас был подобный случай! Пара каких-то крошечных серых птичек вывела птенцов у нас на «Аральске» в аварийном скате каната, когда пароход долго стоял у берега на ремонте. Птицы не покидали судно, куда бы оно ни шло. Они ловили мух на палубе или летали на берег, когда «Аральск» стоял на пристанях.

Письмо юных натуралистов Москвы горячо обсуждалось на общем собрании юннатов.

В письме говорилось, что пролётные пути диких уток в Западной Сибири не изучены. Где зимуют утки и сколько лет живут? Всё это можно узнать. Нужно только наловить побольше птиц, надеть им на лапки алюминиевые кольца с номерами и адресом и выпустить на свободу. Охотники будут убивать уток и по адресу на кольце сообщать об этом. Таким образом станет известно, где зимуют наши утки, где их пролётные пути и многие другие интересные для натуралиста подробности из жизни утиных стай.

Омские юннаты единодушно решили заняться кольцеванием уток. В первые же дни летних каникул ребята организовали экспедицию в степь.

Медленно двигаются по дороге две брички. На каждой — лодка, сети и многое другое, необходимое в походной жизни. Шутки, смех и звонкие голоса раздаются в степи.

Чем дальше к югу, тем всё меньше берёзово-осиновых колков, и, наконец, куда ни взглянешь — всю-

ду, как море, шумит одна сухая, выжженная солнцем трава. Ни кустика, ни деревца. Автомашины мчатся по ровной укатанной дороге, как по асфальту, легко обгоняя брички.

Но вот на горизонте засверкало солёное озеро. Солянки на голых берегах хрустят под ногами. Тростники и камыши не растут на солёных озёрах. Чем дальше на юг, тем больше этих «Больших горьких», «Малых горьких», просто «горьких» и других им подобных озёр. Они почти безжизненны и только весной оживают от криков пролётных стай водоплавающих птиц.

Тут же рядом есть пресные и малосолёные озёра. Они скрыты среди тростниковых зарослей. На бесчисленных плёсах кипит жизнь: тысячи уток, чаек, ггар, куликов и других птиц выводят своих птенцов.

Двое суток экспедиция двигалась от озера к озеру, но ни утят, ни ленных уток не находила.

Ребята начали беспокоиться. Шутки и смех смолкли, каждый невольно думал: «А вдруг не сумеем окольцевать ни одной утки?»

Снова остановка у озера, похожего на все другие. На лодке двое юннатов уехали в разведку, остальные разлеглись в тени под бричками.

Разговаривать не хотелось. Томительно тянулось время, в воздухе летала паутина и носились ласточки, над озером кружились чайки.

Лодка вынырнула из тростников неожиданно скоро. Сидящие в ней делали какие-то знаки, указывая на озеро.

— Утята, сотни утят!

На озере оказались выводки нырков — голубых чернедей. С небольшого острова, поросшего густым тростником, неслись тонкий писк утят и крик старых уток.

Это шум был хорошо слышен издалека. Выводки чернедей собрались сюда со всего озера в одну огромную стаю и держались все вместе.

Обе лодки растрясло за дорогу, и они сильно текли, но заниматься починкой не было времени. Юннаты поспешно уложили сети.

Лодки осторожно протискиваются меж прибрежных тростников и плавно скользят по озеру. Оно мелкое: в самом глубоком месте — по пояс.

За лодками вброд молча идут юннаты. Команда подаётся знаками.

Всё ближе и ближе остров. Слышно, как утята плещутся, дерутся, гоняются друг за другом в тростнике.

Из-под ветра в конце острова начинается установка сетей.

Скоро большим полукругом сетей заставляется дальний конец острова.

Ребята на лодках заходят с другой стороны.

Начался загон. Загонщики бредут в воде широкой цепью. Теперь можно кричать и смеяться, сколько угодно.

Вот из-под самых ног вылетает с испуганным криком утка, вторая, третья. Чем ближе к концу острова, тем всё чаще вылетают старые утки: их десятки, значит утят — сотни.

Всё громче крики. Уже скоро сети, но утят не видно. Без писка и шума они где-то впереди пробираются через тростник.

Но вот перед ребятами среди тростника встала стена сетей. Глаза невольно ищут бьющихся в них утят, но их нет; только несколько штук случайно запутались в самом конце сетей.

В чём же дело? Ведь утят было множество!

Стоя по пояс в воде, проводник экспедиции, охотник Максим Фёдорович объясняет ребятам причину неудачи. Загонять в сети нырковых уток очень трудно. Они стараются нырнуть и уйти обратно мимо загонщиков. Кроме того, утята ещё слишком малы в это время. Они вырастают последними из всех пород диких уток к концу лета, когда кряква, острохвостки и другие породы уток уже давно летают.

Вынутые из сетей утята действительно оказались ещё покрытые пухом, хотя был конец июня. Они легко пролезали в ячейки сетей.

Весь вечер, сидя у костров, ребята сокрушались о своей неудаче. Но комары скоро заставили их забраться в полога.

А с озера, в ночной тишине, ещё ясней доносился писк и движение утят. Где-то ухала выпь и перекликались погоноши. В темноте фыркали спутанные лошади.

На рассвете юннатов разбудил тревожный шёпот Максима Фёдоровича:

— А ну, вставайте скорее!

Ребята, протирая глаза, вылезали из пологов.

— Гусыни вывели гусят в степь, — шепчет Максим Фёдорович, указывая в сторону.

Три диких гусыни расхаживали вперевалку по степи недалеко от тростников. Кругом них желтели гусята.

Дикие гуси по зорям всегда выводят своих гусят в степь покормить кобылками и другими насекомыми.

Нужно было незаметно пробраться тростниками и отрезать птицам путь к озеру.

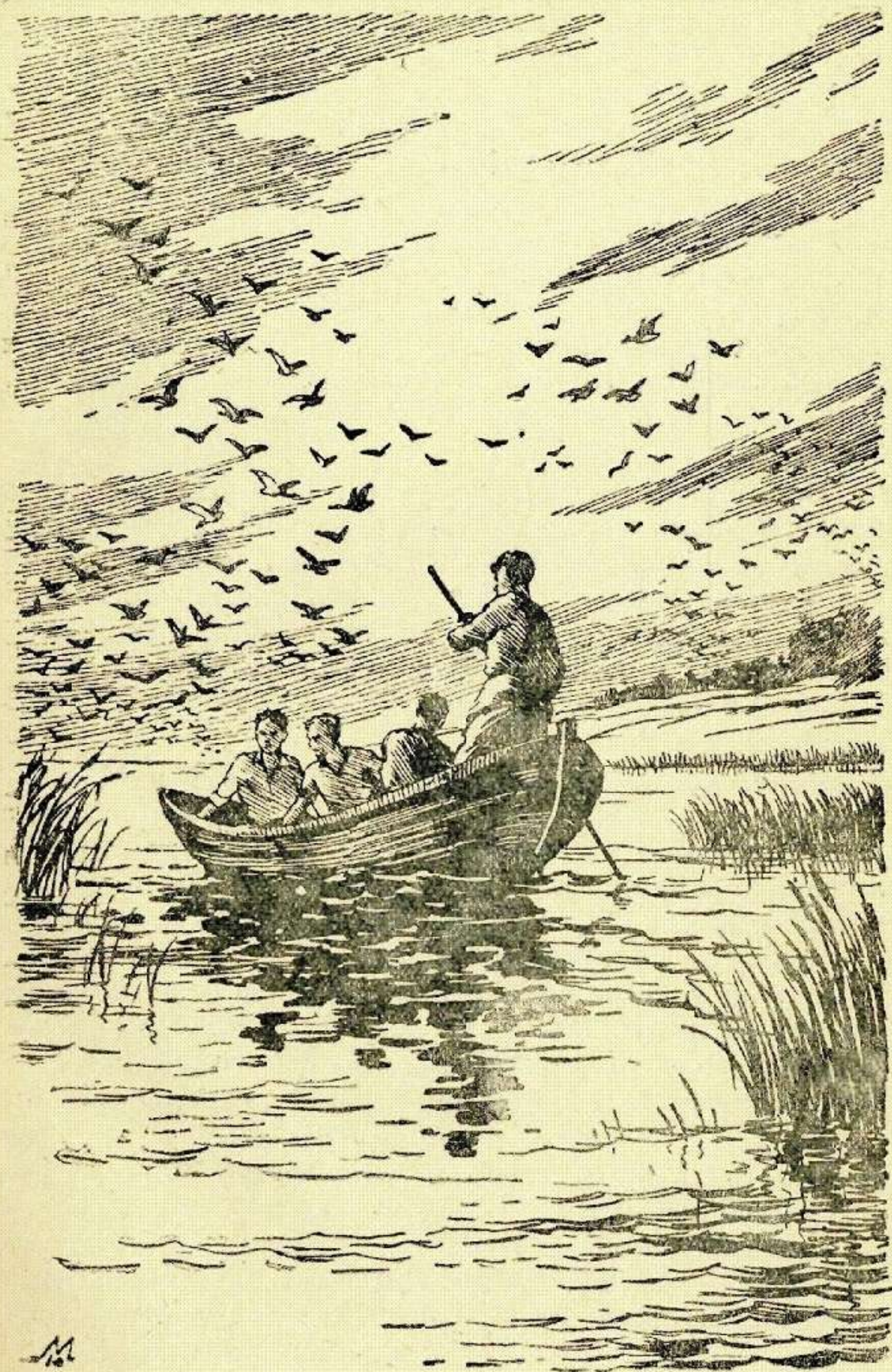
Холодная роса заставляла ребят вздрагивать, когда они пробирались через прибрежные тростниковые заросли.

Солнце только начало всходить.

Гуси спокойно паслись в нескольких десятках шагов от кромки тростников.

Когда совсем рядом появились люди, старые гуси с испуганным гоготанием поднялись в воздух. Гусята бросились бежать. Но было уже поздно.

Только несколько гусят успели скрыться в тростниках, остальных поймали. На лапы им надели кольца, и тогда гусята опять получили свободу. Тесной кучкой, перегоняя друг друга, бросились они в тростники.

Долго ещё гоготали старые гуси, собирая своих детей. Собрав, наконец, всех гусят, они увели их в самый дальний конец озера.

Пора было двигаться дальше. Стоя на бричках, ребята рассматривали в бинокли озеро. Утята по-прежнему шумели в тростнике.

Решено было на обратном пути снова заехать на это озеро. Тогда утята подрастут и уже не будут пролезать в ячейки сетей.

Дальше всех провожали людей в степь чибисы. С криком они кувыркались в воздухе, мелькая то белым брюшком, то тёмной спинкой, унылым криком встречали путников длинноносые кулики — кроншнепы и веретенники.

Вон впереди ходят журавли: они усердно ловят кобылок. Юннаты подъехали, и большие серые птицы высоко подняли головы. Вот-вот они поднимутся в воздух. Два журавля, пригнувшись, быстро побежали к видневшимся вдали тростникам озера. Остальные, подпрыгнув, медленно поднялись в воздух.

— Отпрягай коней, живо! — кричит Максим Фёдорович.

Через несколько минут двое юннатов и Максим Фёдорович скачут верхом вдогонку за журавлями. Птицы не полетят, это линяющие. В середине лета у журавлей выпадают из крыльев перья, тогда на некоторое время они неспособны летать и становятся «страусами» наших степей.

Только у самых тростников удалось догнать и поймать птиц. Каждому на ногу было надето кольцо. Журавлей сфотографировали и выпустили; они сейчас же бросились в тростниковые заросли и исчезли.

Вдруг на озере всё пришло в движение: с криком поднялись из воды самые мелкие утки — чирки, с шумом бросились в тростники лысухи, громко зашлёпав по воде ногами. Над озером летел гроза тростников — болотный лунь. Вот он камнем упал на выводок лысухи. Но шустрые птенцы нырнули под заломы тростника, а старая самка с жалобным криком броси-

лась навстречу хищнику, брызгая, хлопая по воде крыльями и угрожая острым клювом.

Брички подъехали к берегу озера.

Степь сразу ожила. Затрещал костёр, зазвенели голоса и смех. Каждый знал своё дело: снимали лодки, рубили на дрова привезённые жерди, ставили полога.

Вот уже месяц кочуют юннаты по степи от озера к озеру. На каждом озере оставляют они сотни уток с алюминиевыми колечками на лапах.

Ребята хлопочут на берегу, готовясь к ночлегу, а в это время по озеру уже тихо скользит лодка по узким проплавам среди зарослей тростников.

Стоя на ногах, уверенно отталкивается шестом проводник экспедиции Максим Фёдорович. Это разведка. Он направился «доглядывать» уток.

Лодка ходко идёт вдоль густой стены тростника. То и дело с кряканьем взлетают утки, а утята испуганно пикают где-то совсем рядом в тростнике.

Но не это нужно Максиму Фёдоровичу. Всё дальше и дальше гонит он лодку и вот, наконец, то, что он ищет весь вечер: среди тростника и по плёсу масса утиного пера — зобового, подкрыльника и пуха. Где-то здесь, близко в тростниках, прячутся линяющие утки.

Ветер доносит какой-то шум. Максим Фёдорович втыкает шест в дно и на всём ходу останавливает лодку. Сорвав шапку с головы, он слушает.

Справа в тростнике огромная стая облинявших уток. Утратив способность летать, они сбились в кучу и проводят дни на одном месте. Только ночью они уплывают на кормёжку.

Максим Фёдорович осматривается кругом. Здесь завтра будут поставлены сети.

Осторожно он поворачивает обратно.

Полная луна заливает степь серебристым светом. У костра все притихли и слушают наставления Максима.

— Так вот, ребята, наступило самое время. Только теперь начала птица линять по-настоящему. Есть хорошая примета: как тростник начнёт распускать метёлки, так и утка садится на линьку...

...Прежде всех «обопревают» кряковые, затем чирки, соксуны, острохвостые, а последними, в конце лета — чернеди, гоголя, савки, пеганки. Самки кряковых и острохвостых линяют, когда разлетятся их утята, а чернеди и гуси — вместе с утятами.

...Самое главное — тихо из-под ветра подойти к тому месту, где стоит птица, и быстро раскинуть сети. Мы их зовём «гонами». Если утку не спугнуть, то загнать её ничего не стоит. Так и пойдут друг за другом... Раз к нам приехали из города и построили тут в степи целый совхоз. Тысячами ловили утят и линялых уток, свозили на одно огороженное озеро и держали там до зимы с подрезанными крыльями. Когда же ударили морозы, этих уток забили; таких жирных птиц раньше никто не видывал.

До глубокой ночи затянулись рассказы охотника. Но едва показалось солнце — все были уже на ногах. Вот и сети погружены в лодки вместе с двухметровыми берёзовыми тычками для их установки.

Давно уже всё готово, а Максим Фёдорович всё сидит у костра и курит. Нетерпение нарастает.

— Тише, ребята, утром на воде далеко слышно. Надо подождать, пусть начнётся ветерок. Зашумит камыш, тогда к самому току подберёмся. А сейчас можем спугнуть птицу.

Но вот пробежал первый, ещё слабый шелест по тростникам и замер. Вскоре ещё и ещё, а когда вышли на плёс, все камыши дружно шелестели — шептались меж собой.

Сотни уток поднялись с плёса, едва лодки показались из тростников.

— Ничего, — говорит Максим Фёдорович, — это лётная, ещё не начавшая линять стдыхающая утка — «гулевик». Целый день спят на воде селезни и холостые самки, а по ночам кормятся — жируют.

— Смотрите, смотрите, что это с ними? — зашептали ребята, увидев, как несколько взлетевших уток упало в тростник, распустив по воздуху перья.

— Это их линька захватила, теперь им больше не подняться, пока не обрастут новым пером. Ну, теперь тихо — недалеко до уток.

Беззвучно скользят лодки. Вокруг плавают по воде перья.

— Раз есть много крылового пера, значит линька идёт полным ходом, а зобовое перо — не показатель, — учит Максим Фёдорович.

Скоро все ясно услышали, как в тростнике сотни утиных голосов перекликались разом в одном месте. Это ток.

Максим Фёдорович едва слышно шепчет:

— Кряковый подаёт голос один из полсотни, а соксун кричит один за пятьдесят. Слышите, как соксуна кричат? А это насвистывает острохвост. Хороший точок, сотен пять тут скопилось, а то и больше.

Как тени, расползлись охотники по тростнику. Ребятам казалось, что утки шумят совсем рядом.

Тихо городят юннаты в тростнике с подветренной стороны пригон: сорок метров сетей припилены ко дну тычками. Ворота в этом кольце из сетей оставлены с одной стороны, откуда пойдут утки. От ворот городятся «открылки» — вправо и влево. Один выходит на плёс, другой тянется по тростнику почти до самого берега. Его городит сам Максим Фёдорович.

В полчаса всё готово.

Бесшумно расставляет Максим Фёдорович в тростниках цепь загонщиков.

Гон начался.

Сначала все идут тихо. По пояс в воде через заломы и курени пробираются загонщики в тростнике. А Максим Фёдорович плывёт в лодке по плёсу рядом.

Уже совсем близко шумят утки — кажется, вот-вот их увидишь. И вдруг сразу — тишина, только тростник шелестит.

— Пошла, пошла, нажимай! — раздаётся с плёса.

Загонщики бросаются вперёд. Бурлит под ногами вода, трещит тростник. Скорей, скорей!

— Нажимай! — снова несётся с плёса, уже где-то впереди.

То и дело взлетают утки. Это летучие. Некоторые падают обратно, теряя перья.

Вот и открылок. В нём быются запутавшиеся утки, а в пригоне вода кипит от множества пойманных птиц.

Максим уже в воротах. Он быстро загораживает их «подсечной» сетью, вытирает пот со лба и радостно улыбается.

— Правильно я сказал — сотен пять загнали, да гнездо гусят с гусыней!

Началось кольцевание. Один из юннатов записывает, другие кольцуют. Загонщики непрерывно подносят вынутых из сетей уток.

Быстро надевается на лапку кольцо, записывается его номер и название вида утки. После этого птицу выпускают на свободу.

Несколько часов кипит работа. Только к вечеру попадают юннаты на берег. Там их ждёт вкусная утиная похлёбка.

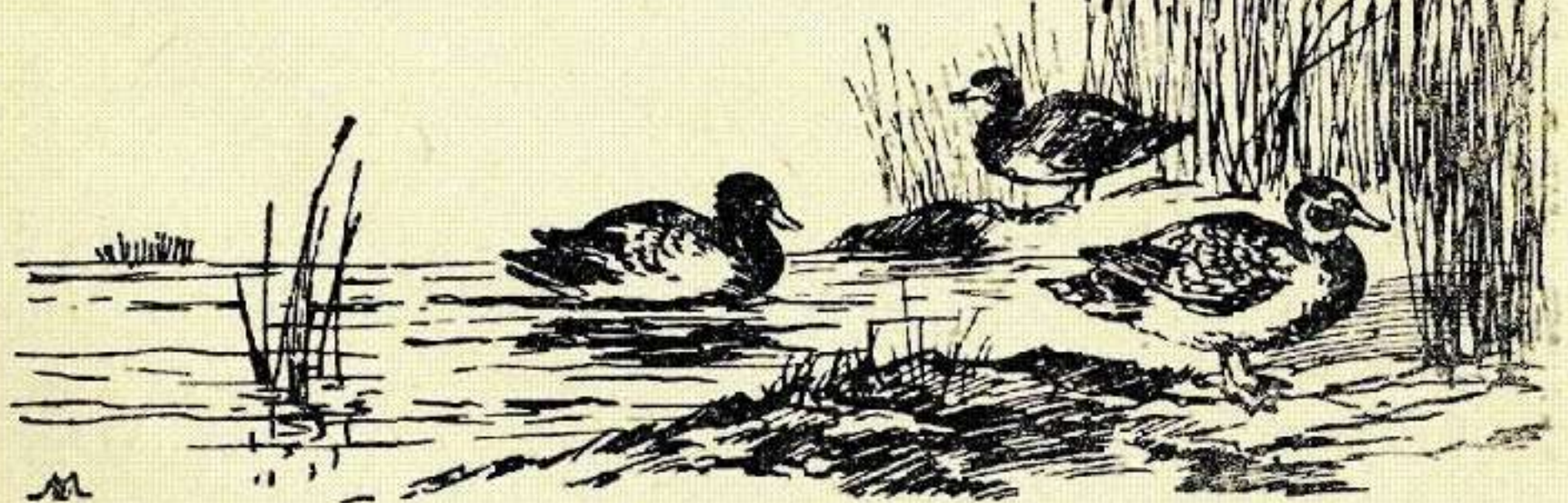
А утром снова в путь.

Вот и то озеро, где экспедиция первый раз пробовала ловить пуховых утят голубых чернедей. Знакомое место стоянки; от берега с испуганным гоготанием поднимается табунок диких гусей. Быть может, это те самые птицы, которым здесь были надеты кольца?

Одна лодка пошла в разведку.

Напрасно пытались ребята услышать в шелесте тростника шум утят на знакомом острове. Ни одна утка не взлетела при их появлении.

Вдруг Максим Фёдорович резко остановил лодку. За островом, на чистой воде, чернела огромная стая уток. Это были выросшие утята голубых чернедей. Из тростников они перешли уже на чистую воду. Там к ним нередко присоединяются линялые селезни.

Вскоре обе лодки, груженные сетями, показали из-за острова. Сзади брели юннаты. Озеро за месяц стало ещё мельче.

Испуганные утки поплыли в дальний конец озера, но ни одна из них не спряталась в тростники. Огромной стаей они чернели вдали на одном месте.

Между островом и берегом быстро были установлены сети. В середине они образовали большой пригон, куда нужно было направить уток.

Двое охотников спрятались у сетей в тростниках. Остальные на лодках принялись загонять уток.

Тесной стаей птицы медленно поплыли прямо к сетям между берегом и островом. Среди них было много лётных, но они плыли вместе с другими.

Вот уже близко сети. Передние утки уже заплыли в открылки и вдруг исчезли. Как по команде, вся стая начала нырять.

Они направлялись не в тростники, а прямо на людей. У самых ног сбоку и уже сзади вдруг появлялись на мгновение утки и снова исчезали под водой.

— Назад, назад! — кричал Максим загонщикам. Но догнать уток было невозможно.

Вскоре они все собрались огромной стаей на прежнем месте в дальнем конце озера.

Опять загонщики зашли стороной и снова погнали уток. Но едва птицы доплыли до сетей, повторилась та же история.

Тогда в лодки сели лучшие гребцы, а остальные спрятались в тростнике у сетей.

Семь раз заезжали лодки и загоняли в сети уток. И семь раз у входа в открылки утки ныряли под лодки и уходили обратно. Ни выстрелы, ни крики не помогали.

Но после восьмого заезда несколько уток вдруг бросилось в пригон и сотни других последовали за ними.

С боков выскочили окоченевшие в воде загонщики и быстро загородили вход. Только несколько десятков птиц взлетело в воздух.

Вода в пригоне кипела от массы бьющихся уток. Началось кольцевание.

Максим Федорович сидел без шапки, с расстёгнутым воротом и тяжело дышал, а в лодках, распластавшись на дне, отдыхали гребцы.

Это было последнее кольцевание.

Утром экспедиция двинулась домой.

В первую же осень и зиму омские юннаты получили больше десятка писем. Оказалось, что несколько окольцованных уток было убито вблизи мест, где производилось кольцевание. Несколько уток было убито на осеннем пролёте в Узбекистане и Таджикистане.

Одно письмо было получено из-за границы. Бомбейское общество естествознания сообщало, что на самом юге Индии была убита утка-чирок, окольцованная омскими юннатами.

Две голубых чернеди оказались в Африке.

Через семь лет две острохвостых утки с кольцами были убиты в Турции.

Так стал определяться пролётный путь уток из омских степей через Узбекистан и Таджикистан, до Индии, Африки, Турции.

СОДЕРЖАНИЕ

Юные исследователи природы	3
Снежная книга	6
Таёжная грамота	14
С манком за бурундуками	23
Лесная смекалка	28
Ошибка	33
Плавающий остров	43
Однажды вечером в лесу	48
Белый марал	51
Орёл Азамата	59
Ласточки с паровоза «СУ-125»	65
Среди утиных стай	69

Редактор *М. К. Иоффе.*

Технический редактор *Н. В. Бисеров.*

Корректор *В. И. Берендеев.*

Подписано к печати 27 IX-1950 г. ПД02736.

Инд. Д-3. Тираж 20 000 экз. 3,8 уч.-изд. л.

Бумага 60×92 $\frac{1}{16}$ — 2 $\frac{5}{8}$ б. л. — 5 $\frac{1}{4}$ п. л.

Цена 2 р.

Адрес издательства: Омск, ул. Театральная, 6

